

# СМЕНА



12

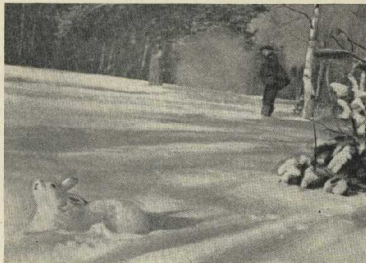
Издательство „ПРАВДА“



# На Белой тропе

Д. ЗУЕВ

Фото С. Вейсберга.



«Хороший охотник — голый охотник, выносливый, меткий стрелок, владеющий и способный в любых условиях перенести трудности полевой жизни»  
(К. Е. Воронинков)

Охота с собаками на зайцев — пожалуй, самая популярная охота в нашей стране. Охотники



выходят на рассвете. Ночной снегопад сказочно преобразил природу. На ветках деревьев повисли пушистые волны снега (фото № 1). Хорошо в этот ранний час в лесу: бодрая колочная свежесть чистого, прозрачного зимнего воздуха, заваленного тонами запахом мшистой коры и хвои.

В поисках следов охотники все дальше и дальше углубляются в лесную глушь.

Вот показались четкие отпечатки лап — визитные карточки с адресом зверей. Ажурной строчкой извивается между кустами ажурный пунктир кругляшова. Это гудящее наброды багровых снежных пространств — дятлови. И вверху: на поляне и в чаще — разматывались сошедшие зайчих следы.

Охотники остановились, спустился собак. Люди глазами, а собаки чутьем расшифровывают по следам, как по почерку знакомой руки, грамоту белой книги природы. Заяц поднят с лежки. Собака погнала его, залившись в голос. И вот точно взорвалось тишина молчаливого заснеженного леса.

Звук неистового собачьего лая оглушает всю округу.

Где лучше встать на номер, где перехватить зверя на гону? На охоте с гончими, как на войне, главный охотник в быстрой и сообразительности. Разберись, как по карте, в окружающем ландшафте. Учи, где гуще подлесок, где овраг, где просека, где поляна. Запомни, где твои товарищи охотники. И тогда, как в бою, займи позицию. Подстергай зверя.

Если бы заяц бежал от собак по прямой, то выскочил бы охоты не оставшись. Заяц обычно губит врожденный пошадка: он всегда аэрируется на место своей лежки, откуда был поднят, или побужен, как говорит охотник.

Подставись под гонимого зайца, выбрать заранее такое место, где именно пойдет зверь от собак, — это все равно, что играть в шахматы. Разница только в том, что у шахматиста под руками доска с неподвижными фигурами, а у охотника — пейзаж с живыми зверями. Чтобы подставиться под гон, охотник, как и шахматист, тоже старается делать верные ходы.

Как по шахматной доске, ходит он по ландшафту, долгое время от времени перебежками за перемены позиции. И все же, сколько ни

жди зверя, он всегда появляется внезапно.

Светлым клубком выскочил на поляну белок. Охотник делает свой ход. Думать ему уже некогда. Моментальная выскочка ружья, прыжок по движущейся цели, выстрел и... заяц падает.

Шах и мат сделаны (фото № 2).

...Охотники вышли на простор. Перед ними хвойные опушки, овраги, светлые берозовые рощи с подлеском можжевельника. Заяц, на дневной лежке, русак. В отличие от белки русак далеко поляны уводит за собой гончих. Они совсем скрываются с глаз, их даже не слышно. Но вот далеко-далеко появляется еле заметная точка. Она быстро растет. Едва касаясь снега, несется на просторе ореховый русак. Кажется, что по широкому полю стелется что-то, гонимое ветром: не то куст ковыля черезкати волел, не то струя голубого газа.

Это впечатление усиливается потому, что русак легко и грациозно прыгает наверх, чтобы скрыть свой след от собак. Но как ни хитрит русак, ни мастерит, — не избежать ему пули. Заяц «лопается», кричат в таких случаях охотники, поднимая со снега убитого зверька (фото № 3).

Но вот участок леса по маршруту обведен. Трубит охотничий рог. Это сигнал общего сбора. На поляну сходится охотники. Теперь можно обменяться впечатлениями, подчитать трофеи... (фото № 4).

Кто хоть раз побывает на гонной заячьей охоте, тот на всю жизнь пристрастится к этому увлекательному спорту.

Надо сказать, что он не только доставляет удовольствие и закаляет здоровье: охотники в боевой обстановке — это отличные снайперы, маскировщики и разведчики Красной Армии.



На обложке: после прыжков с трамплина (в окрестностях Красноярска). На обороте обложки: зимой в лесу.  
Фото И. Фигурова.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 4б, ул. «Правды», д. 24, комн. 716, тел. Д 3-31-68.



Фото  
И. Гущина.



Алексей Мироненков,  
ученик 661-й школы

В детстве я видел лыжи только на картинках. Ведь в Ташкенте, где я рос, не бывает снежной зимы. Но с каждым увеличением числа и о мужественных Аундусена и Цари, как волновала меня судьба этих бесстрашных людей, пробиравших себе дорогу в арктических снегах! Хотелось скользить без усталости по склону равнин, спускаться вниз с вершины, на ветру холод облекая приятный стужа, оставляя позади кустистый лыжный след.

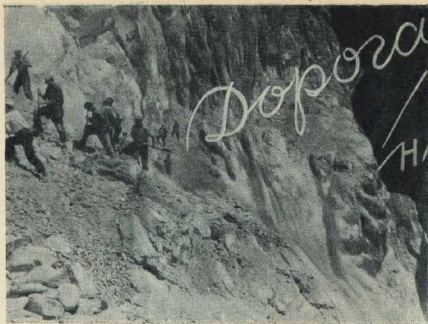
Шесть лет назад я приехал в Москву и впервые стал на лыжи. Часто на Ленинских горах и в подолгу съезжал на мчавшихся между деревьями за всего лишь несколько секунд с горы. Мне нравилось быстро и легко скользить там, где человек без лыж и шипов не ступает. И начал заниматься в спортивной общности «Юный динамовец». Мы тренируемся круглый год. Летом бегаем, прыгаем, занимаемся метанием, гимнастикой, а с осени приступаем к специальной подготовке безмассовых в лесу, совершаем дальние походы. Как только выпадает снег, становлюсь на лыжи. Сперва ходил по 15—20 километров, затем начинаю соревноваться на скорости.

Трени явля, конечно, такому лыжнику, который чувствует себя хорошо только на указанной лыжне. Мы учимся бегать на лыжах с винтовой за спиной, и протискиваем. Нам хочется быть такими, как Герой Советского Союза лыжник Митков, который был не только чемпионом страны, но и прекрасно знал военное дело.

Лыжный спортивный сезон этой зимой обещает быть особенно интересным. И гулять в лыжной эстафете, и ночному освещенному лыжному походу. Буду участвовать в комсомольском лыжном кроссе имени XVIII годовщины Великой Армии.

Поэтому нет увлекательней спорта чем бег на лыжах. Что может быть красивее заснеженного леса, вскрывшихся на солнце полян? Ты мчишься и всегда, морозный ветер бьет в лицо...

Москва.



# Дорога на "КРЫШУ ПА"

Тысячелетиями здесь стояла тишина. Затая дымные, пробравшись в щели, высокогорных таджикских селений по отвесным скалам, по выбоям мостков, повисшим над глубочайшими, точно бесконечными, мрачными ущельями. Оступившись на какой-нибудь сантиметр, человек мог проститься с жизнью. Длинной и рваной вешней высокогорные кендыши были связаны отрезками от мира. В остальное время грузы доставлялись на низины. Это стало возможным летом. Перевозка одного десятидневного стаба из Сталинабада в Ташкент-Лору обходилась в 400 рублей! Исследования склону подвергнуто экономическое и культурное развитие казакских, отдаленных травяных горных урочищ от центра Таджикской республики — Сталинабада.

И вот настал момент, когда вешней сох тор балл нарушен голыми людьми, привнесших разведку и новости на малую автомобильный тракт Сталинабад — Хорог. Был зима. В горах бушевали сильные бураны, порывав ветра силой по стенам камины. В обстановке, полной опасностей и геологически-разведочных препятствий, которую нужно было преодолеть, просверлить в толще гранита, пережить на тротуарской высоте через Хабур-Габиский перевал, провести вдоль отвесных скал повисших над реками Хингую, Сары-Оба, Индиша, через десятки геологически-опасных препятствий.

Весной 1949 года в местах будущей трассы потонули тысячи вышек, мостов, доладей, верблюдом, груженым строительными материалами. 22 тысячи колхозников республиканского звена на прокладку грандиозной высокогорной дороги. В долгие бурные дни, и подвиги гор раскинулись владеть строительств.

Трудно в краткие словах рассказать об этой волнующей народной стройке. Сотни людей выжили здесь чудеса выдержки и отдачи. В одном месте обрушилась тропа. На отвесной скале, подложке которой омылась вода. Некая, остались лишь выступы. Но в этот момент срочно нужно было перебраться на соседней уступе 48 метров парашютного веревки камины. Комсомольцы Акрам Ташмухамедов и Абдураим Сифиев камины за это опасное дело. Цепляясь за камни и удерживаясь за тросы, они достигли высот своих соседей.

Часть дороги проходила по скалам: с гор беспрерывно скатывались камни, несие камни, чтобы. Иногда этот поток уносил за собой тысячи габлов, и тогда скалы превращались в каньоны, чрезвычайно опасный для жизни человека. Горды терпеливо обучившись эти осыни. Но больше всех прокладывали себе путь — альпинисты и репелитеры гоним. Вещь их часто приходилось работать на высоте на высоте 100—150 метров от земли.

В начале сентября северной путь из Сталинабада в Хорог был уже проложен. 507 километров автомобильной дороги — «жару мира» — Памир. Так на наших горах была осуществлена ступенчатая скала и могучее человек, который пачками своими радидат горы.



На фото (сверху вниз):

1. На этом месте была отвесная, неприступная скала. Ее взорвали, и вот теперь бригада бурьянщиков расчищает породу. Скоро здесь промчится широта автомобиль...
2. Вьючные караваны доставляли строителям Новоанарского тракта продукты, парашютные вешенки, инструменты.
3. На перевале вышка светит. Еще одна ноша на пути строителей высокогорной трассы.
4. Природа побеждена! Вот она, дорога, пробитая в толще гор!



«ТЫ ОДИН, А НАС МНОГО»

В 1921 году на бакинских промыслах вспыхнула нефтяной пожар. Товарищ Киров организовал штаб для борьбы с огнем. Рабочие энергично боролись с пожаром. Они старались засыпать несом горючие потоки нефти и буровую скважину. Лучшо всех работала бригада старому рабочему Джафару. Старик сорок лет проработал на нефтяных промыслах и поэтому хорошо знал, как бороться с коварным огнем. Он толково распоряжался, а рабочие быстро таскали к горящему фонтану песок в мешках. За работой никто не заметил, как повлилась коррозия перемалывавшей нефтью и грязью парней. У него, как у него, бесала только злым да белки пав.

Но зоркий старик приметил этого парня и деловито подумал:

«Наверное, лодырь, он, конечно, отбился от соседней бригады».

И тогда Джафар закричал парню:

— Эй, эй, молодец, ведь погорел фонтану. Сбежал на его крепкой спине дымилась от жара. Казалось, этот человек не знает усталости. Старик Джафар с восхищением подумал:

«Хороший работник! Напрасно я подозреваю, что он лодырь».

Бригада Джафара не покидала рук работав много часов. И усердие всех старался парней с широкими плечами. Он не раз бегал вперед, а затем снова возвращался. Когда этот парень отлучился в первый раз, старый Джафар согрешил и подумал: «Ну, я так и знала, он уличил минутку и, когда я отворнулся, сбежал».

Но парень скоро вернулся и снова с жаром взялся за работу, а старому Джафару стало стыдно за свое подозрение.

К утру дружными усилиями бригады горючий фонтан потушили. Рабочие могли выдохнуть.

И тогда к парню подошел старик Джафар. Он восхищенно взглянул его по плечу и похвалил:

«В своих рассказах о Кирове писатель Евгений Федоров использовал факты и упоминания людей, встречавшихся с Сергеем Мироновичем, а также материалы, хранящиеся в Ленинградском музее С. М. Кирова».

## Простые рассказы О КИРОВЕ

Евгений ФЕДОРОВ

— Молодец! Ты хорошо помогала выполнять приказ товарища Кирова. Спасибо, парень!  
Но тут рабочие подтолкнули старика Джафара:  
— Да ты встопорись лучше! Какой же это парень? Это товарищ Киров!

Старик растерялся, но через минуту он укоризненно качал головой:

— Ай, ай, нехорошо. Зачем ты это делаю?

Лицо Сергея Мироновича озарилось теплой улыбкой:

— Я же выполняю приказ штаба.

Старик, однако, не сдался.

— Так нельзя делать, — сказала он, — тут было очень опасно для жизни. Ты один, а нас много...

И все понял, что старик сильно любит Кирова и сейчас очень досадует на то, что в горячке не узнал его.

А рабочие давно догадались, кто был с ними, да помалкивали. Они боялись, чтобы он не ушел: с Кировым работать было легче.

### ЧАСОВОЙ

Сергей Миронович Киров работал секретарем Центрального комитета коммунистической партии Азербайджана. Он очень заботился о нефтяных промыслах и уделял большое внимание их охране. В городе была раскрыта враждебная банда «Плавающее сердце», бандита пытался поджечь нефтяные промысла. Теперь Сергей Миронович сам проверал охрану промыслов. Часто после утомительного трудового дня, когда Баку спит, Киров обходил нефтяные вышки и опрашивал часовых. Охрана была составлена из рабочих, и они очень зорко берегли промысла. Но как-то Сергей Миронович встретил одного ротозей. Была тихая ночь, когда он обходил караулы в Сураханях и у одной будки застал дремлющего часового. Каравальный сидел на земле, привалившись спиной к стене будки, и сладко похрапывал. К нему подошел Киров и взял у него из рук винтовку.



Тут часовой прогудел, протер глаза и вдруг узнал Кириова. Он много раз встречал товарища Кириова на промышленных и рыночных. И тогда Сергей Миронович был ласковым и приветливым.

А сейчас лицо Кириова было сурово.

Часовой потянулся за винтовкой, но товарищ Кириов отстранил его руку и сказал строго:

— Нет, ты больше не получишь ее оружие должно находиться в надежных рабочих руках.

Часовой побоявшись, отступил талову.

Он пошел, что совершил перед революцией большое преступление.

#### ГЕРОИЧЕСКИЙ ПАРНИШКА

В годы гражданской войны под Астраханью шам ожесточеннейшей бои, белые стремились захватить город, но красноармейцы героически оборонили его. Знатный города руководил штаб революционной армии. Товарищ Кириов был членом военного-революционного совета. Он и командарм помогую ночей дежурили в штабе и аппарате. Они принимали сводки и отдавали по телефону боевые приказы.

Бывали случаи, что Сергей Миронович от усталости даже засыпал тут же у стола.

И вот одну из ночей, когда он дежурил в штабе, ему принесли радиogramму из Вавку.

Сергей Миронович очень удивился: кто бы это мог послать радиogramму? В Вавку в это время хозяйничали оккупанты, и вавки там стояла буржуазия.

Но как-то было изумление его, когда он прочел радиogramму.

Неизвестный человек очень скисло, но четко, повновено, говорил о замыслах белогвардейцев против красных.

Кириов, конечно, не поверил сообщению. Он даже подумал, что это просто провокация.

Как очень осторожный человек, он решил проверить поучные сведения. И запросил от этом бойца, которого, скорее работала в польке в Вавку.

И что же оказалось?

Оказалось, что неизвестный корреспондент сообщил правду.

И вавки он регулярно стал слать в штаб красных свои точные радиogramмы. Этим он очень помогал красным.

Так продолжалось несколько месяцев, пока Красная Армия не разгромила белых. А разгромив их, она стала наступать и вавки город Грозный, недалеко в Вавку.

Тут Сергей Миронович вспомнил про тактичного корреспондента. Он попросил немедленно его отыскать.

Прошло несколько дней, и товарищу Кириову доложили, что был его корреспондент. Это был совсем молодой человек, но безвременно хитрый парнишка.

Увидеть его Сергею Мироновичу так и не удалось.

Героического вавку, по словам вавкианцами оккупанты Вавку — англичане — и разстремили.

#### ДОРОГАЯ ПАМЯТЬ

Он и четыре года работала шофером машин Кириова. Вместе с ним он обвезал припасы и вавку. Там рабочие всегда радостно встречали Кириова. Они подготавливали машину, и каждая старалась поздравить с товарищем Кириовым за руку. Сергей Миронович беседовал с ними о делах и для каждого находил хорошие слова.

Кириову было приятно сознавать, что рабочие очень любят товарища Кириова, и он очень гордился своим пассажиром.

Шофер имел заветную мечту. Он никому об этом не говорил, даже жме. Но однажды он созвонился товарищу Кириову:

— Я хочу быть летчиком.

— Это хорошо, — ответила Сергей Миронович. — Но и завтра уезжай в Москву, а когда вернешься, то пошлю тебя в школу летчиков.

Однако Кириова в Вавку не вернулись. Центральный Комитет партии послал его в Ленинград. Но и там среди большой работы Сергей Миронович не забыл бывшего шофера и писал ему. Он звал его к себе. Но у того стало сложиться семейные дела. То жена была больна, то дети, то еще что-нибудь случалось — так он и остался в Вавку.

Прошло несколько лет.

И вот неожиданно старый шофер получает посылку из Ленинграда.

Он вскрыл ее. В посылке заблаженной рукой жме Кириова — Марии Львовны — были березно уложенные шлем, очки, крестик, сорочка и галстук.

И самое важное — записка Сергея Мироновича.

Сердце Карачета сильно заколотилось: «Вот он какой, товарищ Кириов! До сих пор не забывает меня!»

Он ста быстро собираться в Ленинград.

Но тут пришла страшная вестка: вавки враги народа извезли главу убийцу жме Кириова.

Старый шофер не выдержал себе места от душевной боли.

Он бережно, как самую большую драгоценность, уложил шлемок и дал себе клятву хранить его до самой смерти, как дорогую память о Кириове.

#### ЧУКОТКА

В Ленинграде рабочие асфальтировали Удальевский проспект. Одни из этих рабочих в огромных котлах смешивали асфальт и песок. Они помещивали особыми лопатками горячую черную кашу в котла, асфальт смешивали вручную. Другие носились готовую массу асфальта и покрывали ею утрамбованную щебенку. Тут тяжелые катки прессовали и утажили асфальт. После этого получалась чистая, гладкая, как сахар, дорога.

Все было вечно работой. Но время от времени в бригаде раздавались шутливые задорные смехи. Ничего не догадывались, в чем дело, над чем, собственно, смеются асфальтники.

Нередко, от трививной остановки смехла девушка-работница и утравляла смехи. Над ней и смеялись асфальтники. Она только-только начала работать, и шитого у нее не получалось.

Старшие товарищи не хотели работницу поучить. Они утравляли и ее выпучивали.

Девушке это, конечно, было очень обидно.

От обиды она и плакала.

И вот раздаются дребезжащий звонок, и к остановке шумно подходит трамвай. Из него выходят пассажиры. Асфальтники они несколько не интересуются. Пассажеры, как пассажиры, приехали, съезили и разошлись. Мало ли жме ездит всякого народу — на то и проспект!

Но тут она работница увидела, что с передней площадки трамвая сполз товарищ Кириов. Она прыгнула несколько раз его взглядом и теперь обрадовалась, что узнала Сергея Мироновича.

— Товарищи, смотрите, — сказала она асфальтникам, — к нам на трамвай приехал товарищ Кириов. Кажется, он идет сюда.

Рабочие, конечно, не поверили, поспешили над катком проползались.

— Будет врать! Зачем товарищу Кириову ездить в такую даль на трамвай? Разве у него нет машины?

Но это на самом деле был Сергей Миронович. Он пристыжилось похвастовался с рабочими и ста обходить работы. Он похвалялся рабочими: они хорошо асфальтировали проспект.

Сергей Миронович осмотрел работу и снова вернулся к трамвайной остановке. И тут он увидел девушку, которая была вся в слезах.

Это вавкианка Кириова. Он подошел к работнице и спросил, почему она плачет. И она, не скрывая, рассказала про свое горе.

Кириов очень внимательно выслушала ее.

— Да ты не огорчайся, — успокоил он девушку. — Это дело нехитрое. Идем, я покажу тебе, как это делается.

Он взял из ее рук инструмент, и они пошли к месту работы. Тут Кириов ста показывать, как надо делать.

Девушка, конечно, сразу забыла про слезы. Она сняла от радости. Немного спустя Сергей Миронович вернул ей инструмент.

— Ну, земини теперь, как надо работать?

Работница все поняла, что ей надо делать. Сергей Миронович еса в трамвай и уехал.

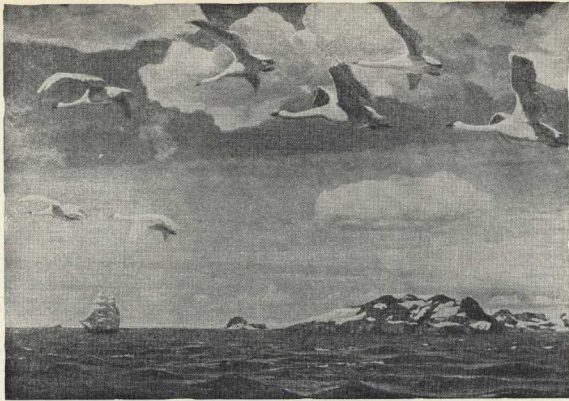
Тогда старый рабочий смехла асфальтникам:

— Что же это мы, товарищи, опростоволакиваем? Товарищ Кириов — большой и очень занятый человек — находит время учить других, а мы — нет. Потом мы смеялись, а над чем? Я так думаю, что смеяться над неуменем — вредная вещь.

И все согласались со старым рабочим, что они опростоволакивались.

И чтобы загладить свои ошибки, асфальтники один за другим стали помогать девушке.





«В голубом просторе». С картины А. Рылова.

Анна ГАРФ

# Красный лебедь

РАССКАЗ

Усов ширнул спичкой и поднес ее к лампе. Голубое пламя обхватило фитиль, выхватив за тымь большую волосатую руку. Усов подышал в стекло и надел его на горелку. Стекло покрылось матовой испариной. Чюбы оно не пошло, Усов еще ширк прикрутил фитиль. От этого его тень вырвала сразу на целую голову и поволола по стене вверх, к бревенчатому потолку.

Усов заил с койки чайник, набитый снегом, вплотнее прижал крышку, поставил на примус, шумящий в углу, опять сел к столу и стал проверять давние разды цифр, из которых он должен был составить складку погоды.

Радист Волода, шумный, сутулый юноша, тихою выругался и свил наушники: — Не понимаю, зачем понадобилось ему лететь куда-то за Горбым островом? Он всегда летит по трассе Нарьян-Мар, Байкал и к нам.

Волода надел шапку и без рукавиц, в домашних тоботках вышел на снег.

Год назад, в это же время, из этой же площадки стоял бриллиантовый от иня самолет Борисова.

А летчик отдался в их избу, пил чай и расставлял колодные аппараты.

Волода, который тогда был моложе на целый год, трещал, а на минуту не умолкал.

Он рассказывал летчику, как любил художник Ван-Гог работать на ветру, но что ему, Володе, тут в Арктике это очень трудно; иногда сохнет, еще не коснувшись бумаги, но зато напряжение, которое требуется при такой

работе, здорово учит—эри не сделаешь ни одного мизда. Сейчас при воспоминании об этом разговоре у Володы горят уши. Как мог он так много говорить о себе! Но тогда ему необходимо было сказать кому-то, что ветер—еще не главная беда, что вот в море вода на бумаге не сохнет, а кристаллизуется.

— Это ничего,—утешал Борисов.—От этого некоторые акварели вышли пушистые, как стекла трамвайных окон зимой.

Володе эти слова пришлось по сердцу, и он осмелился показать летчику одну работу, которая даже ему, автору, казалась странной: на сером фоне неба с тяжелой, как свинец, воды отразился будто охваченный пламенем лебедь.

— Это красивые от света еще не видной зари крылья казались трепещущими.

Борисов выпрямился.

— Честное слово, Волода,—сказал он,—я сам это видел каждую весну у себя на родине, когда был мальчишкой.

Тут летчик положил обе руки юноше на плечи:

— Только, знаешь, это был гусь.

Всю жизнь Волода метал стал поларником и, только отлучившись, наконец, здесь, в Арктике, он неизменно для себя обнаружил, что его непременно гнетет к живности.

Однако, повиц это Володе не помогло себе думать об отъезде. Это, как ему казалось, было бы предательством по отношению к Усову. Но вот срок его работы окончен. Из областного радиолампы, что летчик Борисов велел нового радиста.

Юноша вздрогнул от неожиданно налетевшего ветра. Идти в дом не хотелось.

Волода проверил, хорошо ли сложен плавание, собранный для костров. Обить, что ли, его сейчас керосином? Нет, нет. Чем больше хлопотать, тем дольше не издохнет животное. Эта, усвоенная с детства привычка привела заставила Володу вернуться в избу.

Лампа-молния свила во всю свою силу. Волода смутился от блеска белой скатерти: этой скатертью Усов докраивал стол в дни больших праздников. Сегодня был день рождения Володы.

На тарелке лежали консервированные абрикосы, украшенные вечнозелеными листьями морены.

Где, когда успел всегда завитый Усов выконать их из-под снега?

— Стол, он же и полочка, был сжат двумя койками, они же и скамьи. Комната тесная, как купе в вагоне. Сходство дополнилось посягательством ребенка, лежащего поперек койки под меховым пальто.

Волода поставил тарелку с абрикосами на койку:

— Это Галке.

— Она не конит,—сказал Усов.

— Лампа, с'ест в дороге.

До той минуты, хотя они оба знали, что Волода увезет отсюда девочку, ни отец, ни юноша не говорили об этом вслух.

Что девочку надо увезти, они оба поняли давно. Она влидела: с каждым днем становилась белей ее кожа, беспокойный характер и хуже шепт.

Усов часто бродил по острову, тихоно раскисывая под снегом кривые белоозеленые листья травы, которую поморы называют ложечной.

Каждый день он исправно одевал дождевик и бегал с ней по снегу, а в теплое время года вместо матерой сарфы картошкой.

Когда она чистила зубы, Усов осматривал ее десны.

Воледа не знал, как опуталась здесь девочка, потому что пришла она позже Усова, но он видел, как страдает его начальник, считая себя виноватым в болезни ребенка.

Девочка всхлинула в сне. Усов прикрыл пологом шубы и вылез из узкого колодезья.

За окном улетел ветер. Ветер стучал в дверь и шаркал о стены. Воледа закрыл глаза. Шум ветра помог ему возбудить себя уже в рои, над галданием как маршем сменями к широкой реке Печоре.

Усов слышал себе и Воледе чужо. Но юноша не стал пить. Он опять надел наушники, выключил в начал стучать, повторив слово познания.

В конце конюсов ему было все равно, прилетит ли за ним самолет сегодня или через год, но девочка должна улететь. Это предсказан в году река.

Борисов обзая посетить все зимники от Нарын-Мара до Матюхина шара. Какого же чорта он полетит за Горбыми островами?

Воледа крутил веревки в руках.  
«И-а-и-а!» — свистало что-то с мыса Гори.  
«А-а-и-и-у!» — отвечал мыс Шимда.

«Иду самолет Борисова, иду самолет Борисова», — стучал Воледа. — Байгаи, отвечайте, Матюхин шар, отвечайте.

«Мэри верит в чуждеса», — ухлыло она в ответ и, сдерживая злость, повернула колесико вариометра. — Мэри хочет в небеса-ах.

Воледа выключил сапоги и опять вышел взглянуть, хорошо ли сложил планник.

Ветер то громыхал, как листовое железо, то стучал, как далекий поезд.

И вдруг Воледа услышал отдаленный рывок гуд. Несколько минут спустя он с Усовым уже обливал керосином планник и зажигал костры. И вот машина летит низко, почти касаясь лыжины снега. Усов и Воледа видели самолет за крыльями, как берут ноги под ушды, и повели его по полю к двум вбитым в снег кольям. Машина чуть-чуть повратилась: сначала равнялась вперед, потом назад.

— Правее, правее, — сказал летчик Борисов, потом он выбрал на крыло. — Ребята, помогите мне вынести человека из кабин.

Он распякнул дверь, и в длинные руки цепко обхватил Усова и Воледа. Замовники, обхватив призекого за талию, осторожно сплели с крыла на кобру человека в дом и опустили его на кобру.

Он был огромный. Даже сидящий, он был выше Воледы, и если бы он мог встать, то, конечно, стукнулся бы головой в потолочные балки.

— Пожалуйста, положите мои ноги на кобру, — попросил он.

Пока Усов устремлял поудобнее эти негнущиеся ноги, Воледа взял ведро и вышел, чтобы набрать снега.

Борисов уже прикрутил крепежи канатами крмыля машины к столбам. Теперь он надевал на морду самолета брезентовый чехол.

Борисов, поднимая в ладони, стал тереть их: у него одеревенели пальцы.

Воледа подошел помочь. Брезент намопш стал тираться как фанера.

— Ну и смешинья прирлал! — буркнул юноша.

— Что ты, что ты? — возмутился Борисов. — Какой он тебе смешинья? Это членкорреспондент Академия наук. Он тут по островам 6 лет бродит, ищет следы жизни древнего человека. Смешинья твоя осталась на Матюхиноши шаре: порозлели его наладить радиостанцию. Да и мне все равно было было за умным лететь.

Воледа шнул сапогом белый сугроб. Твердый, как стекло, снег гулко зазвенел, вызвав многократное эхо.

— Усов говорит, — сказал Воледа, — если не будет смешинья, он согласен остаться одному.

Борисов, поглядывая чехол, отошел от самолета, чиркнул свечкой, закурил.

— Я должен обязательно узнать отсюда доверку, — объявил Воледа. — Усов сам бы хотел с ней лететь, да у меня, Усов говорит, опыта нет. Он боится мне доверить сведения.

— И вот какой человек, этот угодный, — вздохнул Борисов. — «Сначала», — говорит, — возьмите чехолы. И чтобы осторожно.» Я говорю: «Машина поднимает 200 килограммов.

У меня почти на 140, да еще вы.» «Дорого», — отвечает он. — Я оstarо. А вы возьмите чехолы».

Воледа посмотрел на свои сапоги.

— У тебя машина двухместная ведь? Борисов бросил на снег шарикосу, привалявил ее подошвой.

— Понимаешь, Воледа, я ему объясню, что могу поднять только 200 килограммов. 140 есть почти. А он опять шепот, «И же», — говорит, — оставь, но прощу вас лично, никому не передоверяя, слать в Архангельск этот чехолы. Улиша Павлына Виноградова, дом Советов, комната 219. Северная база Академии наук».

Воледа стал сонно выкладывать снег в ведро.

Борисов потоптался на месте, похлопал рукой об руку, чтобы согреться, и сказал:

— Хочешь посмотреть на этот драгоценный для науки чехолы?

Воледа вошел в комнату, поставил ведро со снегом на примус, выгнал из-под койки калду с солошиной, мешок с картошкой, вил со стола нож...

Занятый приготовлением ужина, он мог не смотреть на человека, ноги которого были голые туловища и лежали неподвижно, как две кувалды.

«Этот человек», — думал Воледа, — членкорреспондент Академии наук, и потому он полетит на лет-лететь своею ногой, в Галку?»

Что касается самого Воледы, то ему-то все равно. Он решил быть художником и будет им, хотя бы пришлось жадать смешинья еще десять лет.

А Галку жалко, жалко Галку!

Нуужам так вот и сидеть тут и смотреть, как погибает ребенок и ничего, ничего не делать?

Воледа нарочно взвизгивает себя, и нож его с остережением вылезает в картошку.

— Еще чайку? — осведомляется Усов у го-сти.

Воледа возмущен: «Это называется выдеркой, да? — усмехается он. — Это твердый характер? Нет. Это — самое явное лицемерие. Лопья».

— Я должен сказать вам, — обижается членкорреспондент и садывается, говорит пресвятой, обращаясь только к Усову, — что почти все попытки восстановить психическую жизнь человека не только в абсолютно первобытном состоянии, но даже в эпоху неолита основываются исключительно на догадках и предположениях, не имеющих никакой научной основы. И вот... тут его голос прерывается, становится тихим до шопота, — я вижу в своем чехолы».

«Поди ты к дьяволу с твоими ладниковыми периодами!» — думает Воледа. — Какое мне дело до психической жизни первобытных людей, когда у Галки шкура и она не может улететь?»

Но гость, понадумав, истосковался по людям за эти пять лет. Он говорит с упоением.

Он плявнет от возможности сколько угодно говорить:

— Печок отосит эти находки ко второму, или миндальскому межледниковому периоду; Буль и Обермайер — к третьему, или рисоворскому периоду. А в последние годы в связи с находками бронзовых орудий...

Если бы Воледа мог заткнуть уши, он бы на это залтнул их, но так как руки у него заняты, то он сидит и слушает, разинув рот, раскаяв о том, как ученый потратил пять лет своей жизни, чтобы доказать, что не-

#### Яков ХЕЛМСКИН



Робким подражанием — не скрою —  
Начинаем заставляем мы  
И берем у мастеров порою  
Мысли и метафоры взаимны.

И, подобны несвесомой тени,  
Отражены в зеркале воды,  
Мы с чужого бурного цветенья  
Собираем легкие плоды.

Но по калле проступают густе  
Слово чужие звуковые слова  
Краски те, что нам одним присущи,  
Пусте пока заметные едва.

Пух птенца преобразится в перья,  
А из лопек вырывается листья,  
И в годках ступит подмастерье  
На порог большого мастерства.

Вырастай же! А почуя зрелость,  
В кровь и плоть трупешную строгий  
Все, что прежде выразить хотелось,  
Все, о чем мечталось, облекли!

Приближайся к цели кропотливо,  
Каждый шаг воздвигай бой,  
Будь веселым, жадным и пытливым,  
Будь открытым, будь самим собой.

Будь упрямым и работай волею,  
Вдохновенно осенен в ночи,  
Будь всегда собою недоволен,  
Если не взволнован, — промолчи.

Если не взволнован, — не усердуй,  
Не фальшивь строки ни одной,  
Чтобы песня, выходя из сердца,  
Становилась жемчужной родной.



люлек, существовавший на земле когда-то, труднившись и мыслявший, не полагает бесследно, что наша современная культура — это в какой-то степени также плод и его труда. И вот этот ученый что-то там и трудился откопал. И это откопанное есть доказательство каких-то взаимоотношений каких-то культур.

— Самый такой факт, вещественное доказательство,— гремят голоса,— помогает нам узнать себе то, что происходит сейчас. Знаете, теперь, когда сам это выдел, держал в руках и, наконец, вею в своем земледелии...  
Линю прилежко роювет, как бы наливаться изнутри тизам светом. Улыбка у гостя открытая и живого лукавая, как у ребенка. Его люб и шеки изрезаны морщинами, ресницами, точно шрамы. Но по линиям губ, по глазам видно, что этот человек далеко не стар.

И все это достижения современной науки,— говорит он и в изумительной приспосабли к стене, закрывает глаза, и Борисов кланет себе палец на рот, чтобы остановить Володю, который хочет что-то сказать.  
Вода уже давно растаяла, картошка сварились...

— Но внезапно наступившей тишины девочка прощается и плывет.  
Усов берет ее на руки:  
— Дети простили.  
— Уходи-и!  
Гость открыл глаза:  
— Ух, какая барышня девочка! Ай-ай-ай!  
— Уходи,— повторяет девочка, но уже без слез.

Володя протизвает ей абрисом. Девочка отгадывает тарелку и отворачивается. Рука у нее густобулыная, с синими прожилками.  
Гость взял в свою широкую ладонь эту томящую руку:  
— Ох, какие пальчики-с-малычнич!

Чтобы лесно порождала правда  
Мудрого земного бытия,  
Лишь она—учитель и соавтор,  
Муза и коринтия твоя.

Пусть ты занял рифму у поэта  
В юности, но впрямь уже не лги  
Чистой пробой, звоною монетой  
Покрывая прежние долги.

Помни, хоть на первый взгляд обиден,  
А знаю и мастер незрячий,  
Мир, когда он наслетом увиден,  
Необычен и неповторим.

**Тамлик**

Про все забыва, я хохочу и плачу...  
Размахивая тростью, налеге  
Идет бесслесный классик неудачи  
В худых штанах и мятом котелке.  
Флавиура с невозмутимым видом,  
Он радуется птичкам и цветам,  
И ничего, что горькие обиды  
Преследуют беднягу по пятам.

Он семенил вприпрыжку на акране,  
Искусно врозь расставлены носки.  
Снежино... Но смех безжалостен и гнанил  
Большой и неожиданной тоски.

...Он шел, буздырных скамеек обитатель,  
Всегда во всем предчувствия прова,  
Золоторец, золотоскателев,  
Циркач, бродяга,— и не унывал.

Девочка улыбается, и гость лаково в остро-розово отгигавает большим пальцем ее губы. Зубы девочки кактусы чересчур длинными, потому что десна слегка отстает от них.

Гость дергает себя за ухо, вынимает платок и громко, будто играя на трубе, сморкается.

— Я бы на вашем месте,— наконец, говорит он Усову,— растаял с ребенком.

Володя отпарывается к стене. Он так сильно сидел туда, что ногти впились в ладони.

— Да, и отшломо же с первой попутной машиной,— слышит Володя ответ своего начальника.

Голов Усова, как всегда, ровней, может быть, только немного болше сух чеши обидно.

Летчик мыслел из коматы. Он, конечно, не был виноват ни в болезни ребенка, ни в том, что человек, погубивший свои ноги, вместе с собой тащил чужаков, но исключительно ценный для науки груз.

Костры, которые только что горели так ярко, теперь едва теплелись. Головкица накрылась белым матерчатой пелла, и снег вокруг костров казался сырым от золы.

Самолет вздрагивал от ветра, но его крылья были прикручены к кольям крепко-накрепко, и он не мог ни опрокинуться, ни улететь.

Борисов не умел ползти в себе чувствуя боли, не хотела абрисом, не шла чаша и которая смотреть на яркую лампу.

Летчик облетел вокруг машины, осмотрел площадку, приспидывая возможность развернуться.

Ветер затих. Борисов шагал по твердому как асфальт снегу.

Ладонь изломком пробежала по ямбе широкой ленте, опоясала голени и рассыпалась. Вновь собралась и опять исчезла.

Борисов вдруг рванул дверь и вошел в дом.

Срывалась вино, опять забирался кекуру,  
Метлой судьбы безжалостно гоним,  
Он из боксера превращался в клерка  
И выбрал шел, и горе шло за ним.

Он выбрал профессию люблюю,  
Он от любви и жалости дрожал  
И, утешая девушку слезую,  
Рокафалером себя изобразал.

И показала с правдивостью особой,  
Как сквозь лишенья, боль и нищету,  
Сквозь варварство и злачные трупобы  
Простит благородство и мечту.

Здесь все смешалось. Грусть рождала  
Иронию переходила в гнев.  
Нам было сразу весело и жутко,  
И, от избытка чувств оцепенев,  
Мы постигали все ясней и шире,  
Мы различали через призму слез,  
Какие таджи происходят в мире,  
Который ярче обречено на снос.

Прошел фильм, пронизанный печалью,  
Экран померк, и, утрус на снегу,  
Мы молча шли и сердцем ощущали  
Незыблемую нашу правоту.

А на афише, в лампочках расцветен,  
С неслезной тростью, не жалея ног,  
Летел за счастьем тихий человек,  
Но зря старался догнать не мог...

Член-корреспондент Академии наук СССР, отступил далеко назад. Он был без шапки, и Борисов впервые увидел его курчавые волосы, которые так странно, будто ключьями, были вымелены седлою.

Эта поседенная голова и чудовищно отекшие ноги помешали летчику высказаться сразу все, что он хотел.

Борисов должен был сделать прямо-таки физическое усилие, чтобы, наконец, открыть рот, потому что чужасть его сам собой сажала на пол.

— Послушайте,— сказал он.  
Ученый отнял руки от лия:

— Товарищ летчик, ребенок—это... это... И если мы здесь оставим ребенка...

— Ну, давай! Усов... Кушай, как следует! Ты, брат, завтра в Москву полетай!

И Володя и Борисов знали, что у этой девочки, кроме Усова, нет родных, и потому они оба сидели, не смея оторвать взгляд от ска-терти.

Усов глянул чужо, поправил ворот рубаша и пронаше тут слышно:  
— В Москву, дружище. К этому большому делу.

И гость, который видел Усова впервые, по-крутил и повернулся к девочке:

— А у меня в Москве есть пудель Симба-Джимба и пугайт «Василий».

Ученый шутил с ребенком и смущенно улыбался, когда девочка, правда, довольно су-рово, но все же взглянула на него.

Володя видел, что человек этот горд и счастлив доверием Усова, что Усов спускал на своего ребенка. Но приятнее всего было смотреть на Борисова. Володя не думал, что радость может сделать человека таким красивым. Курносый, смуглый летчик был особенно действительно красив. Хотелось стаяо стесно в этой жизни. Он вышел и запал по снегу, улыбаясь, неизвестно чему. Необыкновенно высокое и просторное северное небо, как и всегда, успокаивало его.

Вдали на горизонте нежно набежало тучи врозь как бы раздернувшись, обнажив ярко сверкающую полосу.

Моряки называют этот свет ледяным зоресом. Там, на море, полз этой сверкающей полосой январские льды.

Когда Володя вернулся, лицо гостя показало ему мильям и немного печальным.

— Знаете,— говорил он Усову,— в Москве я был капитаном футбольной команды Дома ученых. А во компания делал второе место. Скажите, пожалуйста, если кому-то нравился спортсмен—футболист и конькобежец,— обя-заны ли этот же человек любить яврко в предельношней интурсим ноги? Чорт возьми, до чего чудесно! Конечно, никто не обязан. И мне было бы жалко...

— А я бы ждал,— сказал Усов.  
Если отнимут ноги? Нет. Невозможно.

— Я бы мог. Нога, правда, какое это имеет значение?

Позже, когда согнувшиеся в три погтебли Володя и Борисов втащили в комнату тяжелой желтой пелла, человек с большим именем опять немелся в Усова:

— Понимаете, археолог Равдоникс, отсылав петроглифы, найденные на скалах Лисьего и Бесеего леса, упоминает об изображении лебедя. То есть это не просто лебедь, а скорее, намок, символ плавающей птицы. Равдоникс упоминает об этом всколько. Геолог Симир-ков, производивший раскопки неолитической стоянки в городе Архангельске, совершенно несомненно и для себя и для нас, всех археологов, обнаружил на одном черепе, с внутренней стороны сосуда, изображение лебедя, очень похожее на то, что изображал Равдоникс. Но что такое этот лебедь? Тарпо племя? Знак власти, предмет культа? На этот вопрос наука пока еще не может ответить. Но во всяком случае—это одна из первых об-щественных, какое было сделано человеком на самой заре культуры.

Глаза гостя блещат. Он долго не может понаше ключом в замочную скважину. Наконец, человек дескает, кришка падает на пол, и четверо мужчин молчат, склонившись над серым камнем с яркокрасным лебедем на нем.

# Классы СМЕННЫ

В предыдущем номере журнала, в «Клубе «Смены», московская школьница Искра Мурзетей поведала своими мыслями о так называемых пассивных походах и дружках. Искру Мурзетей тревожат, что некоторые ее товарищи по школе, по классу живут как-то обособленно, стоят в стороне от того, что волнует, заботит коллектив. Не выступит ли из толпы школьничкой слои, далекие от жизни, общества, замкнувшиеся в кругу своих интересов?.. — спрашивает Искра Мурзетей. И она спрашивает: откуда это разобщение к организации, что нужно сделать, чтобы все наши в школе примененно сила в способности?

Вот что отвечает Искра Мурзетей: наши читатель-старшеклассники.

## НАС СЧИТАЮТ ПАСИВНЫМИ...

Мнe прекрасно видно, что нас в школе считают пассивными. Конечно, это очень обидно и, главное, несправедливо.

Дело рассматривать, почему случаются так, что мы лично не отличаемся, что нет у нас дружбы с классом, здесь несколько причин. Прежде всего надо прямо сказать, что и в младших классах и сейчас учимся мы средние. Для того чтобы не отставать, идти вровень с классом, надо много работать. Кроме того нам приходится и дома помогать своим родителям по хозяйству. Иной раз, действительно, стараешься поскорее уйти из школы домой, чтобы лишней не послышалась над уроками или выполняешь какие-нибудь домашние обязанности.

Но дело, конечно, не в этом. У каждой из нас нашлось бы время на то, чтобы заниматься школьными общественными делами. Почему же мы ни на чем не участвуем? Беда наша в том, что уж очень мы стесняемся своих товарищей. Иной раз хочется что-нибудь сказать, попроситься выступить, да молчишь, думаешь, что вот не так скажешь, что за твои слова и внимания никто не обратит. Мовет, и глупо так думать, а переспросить себя трудно.

Но не во всем мы виноваты. Несправедливо относится к нам класс. Как приворожила и нам глаза «пассивность», так и дела у нас никому нет. Иной раз узнаешь,

что чуть ли не весь класс ходит в кино, а нас даже не позвали пригласить. Или вот, например, устраивают в школе вечер, все собирается, а нам даже не пододет места, не предложат присесть. Или вы скажете: «Что ждете приглашения? Вспелите жесть со всеми...» Правильно это, а вот себя-таки трудно себя посылить, кажется, что ты называемся...»

И не случайно так кажется: много убеждает нас, что классу нет до нас дела, что в наши силы не верят. Недавно у нас выбирали делегатов на школьную конференцию. Классный руководитель предложил кандидатуру одной из нас. Но тут же раздалась реплика: «Ну что она сделает?.. Зачем так?»

Когда чувствуешь себя в коллективе легко и свободно, когда видишь вокруг себя внимательных товарищей, тогда не будешь сидеть в стороне. Вот, например, Шура Фигуркина дружка с молоденького своего дома. И там никто не считает ее пассивной, вместе со всеми она летом устраивает загородные прогулки, хватает у нее на это и энергии и умения. А вот когда тобой никто не интересуется, ты и чувствуешь себя точно связанной и невольно уходишь в сторону...

Маруся Аляшина,  
Ирина  
Нина Никифорова

## КАК ЭТО ПОЛУЧАЕТСЯ

Хорошо сделала Искра Мурзетей, что затронула на тему, которая беспокоит многих из нас. Правда, сама Искра не ответила на ее же поставленный вопрос: откуда в нашей советской школе, пропитанной духом коллективизма, могут появиться люди, столь безучастные к школьной жизни?

Выскажем свое мнение по этому поводу.

Пассивных в школе нет. Просто некоторые из наших товарищей выжались окружившими пассивными. И происходит это по почему. Еще в младших классах школьники обособляются не одинаково способностями: одни учатся лучше, другие — хуже. И вот иногда получается так, что общественные обязанности поручаются лишь тем, кто хорошо учится, кто лучше умеет говорить, слышет себя вступает в круту товарищей. Тут

же, кто учится средние и более застенчив, остается в стороне. О нем мало думают, а иной раз скептически относятся к его способности сделать что-нибудь для класса, школы от него нечего.

А если бы коллективные, комсомольская организация обратила внимание на такого школьника, втянула бы его в общественную жизнь, сумела бы активизировать его, то и о пассивности не было бы речи.

Ни для кого не секрет, что многие «пассивные» учащиеся, выйдя из стен школы и вступив в производственное, становятся деловыми работниками, хорошими организаторами. Главное — найти в человеке нужную струнку и активизировать ее звучать на пользу общему делу.

Марк Бихов,  
Илья Хайкин

## ЧТО СДЕЛАЛА КОМСОМЛЬСКАЯ ГРУППА

Искра Мурзетей права. Люди, как будто бы равнодушные к окружающей их школьной жизни, есть и у нас в классе. Они даже не стараются уйти с классного собрания, нет, они только садятся на заднюю парту и занимаются какими-то своими делами; кругом тихо спорят, выступают, а их как будто ничего не касается.

В начале учебного года на собрании комсомольской группы нашего класса мы говорили об этом. И решили сделать так, чтобы общественные обязанности у нас выполняли не те, кому из года в год они поручаются, а люди, стоящие поближе, так называемые пассивные.

Есть у нас, например, один такой ученик. Раньше у него были товарищи в школе, но потом по разным причинам они ушли из нашей школы, с остальными он не сдружился, остался один и замкнулся в кругу своих личных интересов.

Всем нам хорошо было известно, что этот товарищ увлекается рисованием. Комсомольцы выдвинули его кандидатуру в редколлегию стенной газеты. Класс поддержал. И мы не ошиблись: работа в стенной газете заинтересовала этого школьника и, конечно, сблизила с коллективом. Больше того: сейчас он сказал нам, что готовится вступить в комсомол.

Других товарищей, которые раньше держались в стороне, мы тоже постарались привлечь к общественной деятельности. Одной ученице поручили организовать экскурсию, другой — проверить выполнение социалистических обязательств. Но далеко не все идет гладко, далеко не все сразу завернулось тем делом, которое им поручено. Видно, не все мы еще хорошо проучили, не ко всем правильно подошли.

Марк Богославский

Что ж, к тем пассивам, которые мы проли на этой странице, вряд ли нужно что-либо добывать. Все знает, что коллектив класса объединяет юношей и девушек с разными характерами, способностями, наклонностями. Одни общительны, другие молчаливы. У одних ярко выраженные организаторские способности, они инициативны, полны всеческих замыслов; у других эти качества нужно еще воспитывать. И вот здесь огромную роль играет товарищеская чуткость.

Если в коллективе все относится друг к другу внимательно и заботливо, если каждый чувствует себя легко, свободно, тогда и не будет в классе людей, равнодушных к школьной жизни, не будет тех, кого сейчас — подчас неосмотрительно — называют пассивными.

Многое здесь зависит от комсомольской организации класса. Это она должна сплотить класс, это ее обязанность — побуждать о том, чтобы каждый смог проявить свои способности, применить свои силы. Так, собственно говоря, сейчас и поступает комсомольская группа, о которой рассказывает в своем письме Марк Богославский. И она уже кое-что добилась.



Пейзаж. Работа московского школьника Л. Габашева.

## НЕЖЕНКА

Была вечно сторбен, как старуха,  
Закутан в вату, мех и шерсть,  
Он надевал шапки из пуха  
До холодов недель за шесть.

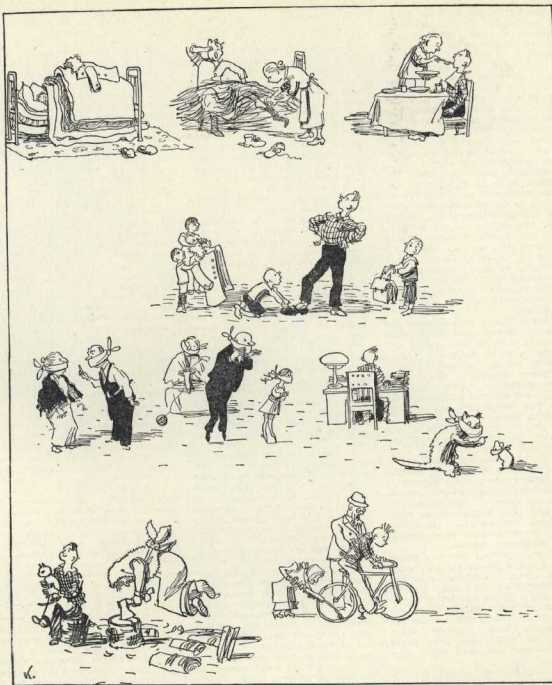
С коньками (чтоб не простудиться)  
«Герой» был вовсе незнаком,  
И даже свежая водичка  
Была для неженки врагом.

Не мог никак он отоспаться,  
Вздыхал: «Зачем так рано  
вста!» —  
И начинал он одеваться,  
В футбол свой темный засасал.

Ну как пролезть к нему  
микробу  
Сквозь слой чулок, фуфакс,  
шуб?  
Но дня не проходило, чтобы  
Не ныл живот, не мучал зуб.

Выращивал такие фавосы —  
Ну хоть на выставку вози:  
Величиною с дыню, с гуся...  
Нет, просто не вообразить!

То вдруг такой поденит  
кашель,  
Что авет, точно старей пес...  
Мамаша с ложки кормит  
кашей  
И льют потоки горьких слез...  
А сын — холодная больница,  
Худея, бледнея и вовсе сает...  
В карикатуру превратиться  
Сумел здоровый паренек.



Художник А. Кабанов иллюстрирует здесь один день из жизни, скажем, Вани Петрова. Не правда ли, и среди наших знакомых, читатель, встречается такие оранжевые создания?

## В ПОИСКАХ ПОТЕРЯННОГО ВРЕМЕНИ

Евг. ВОРОБЬЕВ

Хотя Вадим Ковальчук живет в совсем близком от школы, он является обычно на занятия, выхаживая от треморно быстрой ходьбы.

Он арывает в восточной шкафу, спешит всучить гиревые пальто и другие зимние дощечки и бежит вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, размахивая портфелем. «Скорей, скорей!» — торчит он себя.

Звонок застает его где-то в коридоре, уже в преддверии классы. Еще секунда — и Ковальчук со вздохом облегчения шумно опустается на свою парту. Все-таки успеет!

У Димы Ковальчука всегда не ладит с временем: он всегда спешит, многого не успевает.

День, который его товарищам кажется таким просторным, аме-

стительным, представляется ему очень коротким.

— Хорошо, если бы в сутках было хотя бы тридцать часов! — метательно сказал как-то Вадим, обращаясь к своему соседу по парте Косте Везишкому. — Мне кажется, я бы тогда все успевал...

Коста ничего не ответил, но по выражению его лица можно было заключить, что он сильно сомневался, действительно ли товарищ выругит чудодейственное удлинение суток. Слишком хороши были на распорядок или, вернее, беспорядок дня своего одноклассника.

И сегодня Вадим проснулся по обыкновенно дозволению рано. Он слышал сквозь дремоту, как встал и собирался на работу отец. В восемь часов ушла на службу старшая сестра. Перед уходом она

подтрунивала над братом-лежебокой и на прощание спела ему песенку: «Дима, в школу собирайся, петушок пропел давай».

Трудно сказать, сколько раз еще успел пропеть петушок, пока Дима, наконец, набравшись храбрости и высунул голову из-под одеяла. Когда он оделся, на часах было двадцать пять минут девятого — где уж тут убирать за собой постель!

Он стремглав помчался в ванную, кое-как умылся и поспешно к столу. Завтракала вполна, глотая непрожеванные куски, обливаясь горячим чаем и то и дело отваливаясь на часы. Дожевывая что-то на ходу, Вадим высочил из-за стола.

Минуту он простоял неподвижно посредине комнаты, почесывая ухо в глубоком раздумье и

как бы что-то вспоминая. Затем бездельно мамул рукой и стремглав бросился в другую комнату. Начался сумат. Вадим долго искал запропавшиеся куда-то учебники, затем портфель и перчатки. Он никак не мог привыкнуть к тому, чтобы класть свои книги в вещи в определенное место. На днях кепка — после утомительных розысков — была обнаружена в ванной, а учебник химии очутился в перчатке, за зеркалом.

И сегодня Вадим выскочил из дому, не успев даже застегнуть пальто. Времени до начала уроков осталось в обрез. Вот почему и хвизнул Ковальчук, всбокал запинаясь, вот почему он опустился на свою парту со вздохом облегчения.

Сегодня у Вадима только пять уроков. Но после пятого урока он

Воробьев





## СКАЛА, РАССЕЧЕННАЯ ПОПОЛАМ

ОСЕТИНСКАЯ ЛЕГЕНДА

Я бродила в Дигорских горах,  
Близ селения Ханеза,  
И увидела над собой  
Удивительную скалу:  
Казалось, ее индолам  
Разрубил великий кавноок.  
И рядом, в лесистой горе,  
Чернела сквозная дыра:  
Казалось, пронзало ее  
Чудовиной силы копьё.

Легенду об этой скале  
Рассказал мне старый Гадин.  
Дигори-Дзуар<sup>1</sup> был могуч и мудр.  
И владения его далеко легли,  
От Уруха<sup>2</sup>, бурлящего под горой,  
До седых ледников Дзинага<sup>3</sup>.  
И леса его были густы,  
И водилась в лесах дичь,  
Обильная, как нигде,  
И под самой высокой скалой  
Хранилась белая соль,  
Не знающая цены.  
И еще у Дзуара был сын,  
Смелый и быстрый, как тур,  
И звали его Кайтмаз.

Однажды Дигори-Дзуар  
Собрались в далекий поход.  
Сына к себе позвал  
И завещал ему:

— Мой сын, ты уже не дитя,  
Тебе восемнадцать зим,  
Сила играет в твоих плечах,  
И сердце мужское твоё  
Подвигов бранных ждёт.  
Останься, мой сын, один.  
Будь зорок, находчив и смел.  
От хитрых и злобных врагов  
Страну нашу береги.  
Береги немолчный Урух,  
Береги ледники Дзинага,  
И лес вековой на горах,  
И птицу в лесной листве,  
И рыбу в речной воде —  
От хищников береги.  
А лучше всего, мой сын,  
Береги нашу белую соль,  
Которую я храню  
Под самой высокой скалой  
От солнца и от дождя.

Сказал и ушел отец.  
И остался Кайтмаз один.  
И узнали соседи-враги,  
Что грозный Дзуар ушел,

И решили: настал час.  
Разве юнца устоять  
Против напора их?  
И в первую темную ночь  
Динчульса вражьи рать  
И подошла к мосту,  
Велущему через полог.  
Но только ступили враги  
На легкий бревенчатый мост —  
Он обвалился вдару  
И рухнул все в Урух.

(То с вечера юный Кайтмаз  
Стропила моста подпирал.)

А утром враги опять  
Пришли и рубили лес,  
И дожились сосна за сосной  
Через бурливый поток.  
Но только взлози на мост —  
Стали падать один за другим  
В бурную волну враги:  
Каждого, кто входил,  
В грудь поражала стрела.

(То молодой Кайтмаз,  
Прячась в лесу над рекой,  
Самострелом разил врага.)

И хищников рать поняла,  
Что силой его не взять.

<sup>1</sup> Дигори-Дзуар — легендарный великан, первый  
житель Дигории.

<sup>2</sup> Урух — река в Дигорском ущелье.

<sup>3</sup> Дзинага — название горы.

И вот в предвечерний час  
Услышал Кайтмаз под горой  
Жалобный девичий крик.  
Он подбежал к реке  
И увидел вину, гулабо,  
Девушку, бившую в волнах.  
И тело ее в бурой воде  
Белело, как горный снег.  
Сбросил одежду Кайтмаз  
И прыгнул с обрыва, как барс,  
Груду расек бурны  
И девушку вынес из волн.  
В пещеру ее отнес,  
Мехом укутал ее,  
Развел в очаге огонь  
И начал жарить шашлык,  
Чтоб гостю свою накормить.  
Онулась она в тепле,  
Открыла свои глаза,  
И синими были они,  
Как два цветка дивинга<sup>1</sup>,  
И косы она распустила  
И стала слушать над огнем,  
И ржались были они,  
Как мех молодой дичи.  
И всё позабыл Кайтмаз,  
И только смотрел на нее,  
Как самый глупый джарванг<sup>2</sup>  
Смотрит на солнечный свет.  
А в тот час не дремали враги,  
Перешагивая бурный Урух,  
На берег заветный взойшли,  
Рубили столетний лес,  
Ловили лучшую дичь  
И нашли под высокой скалой  
Бесценную белую сошь  
И унесли ее.

<sup>1</sup> Дивинг — подснежник.  
<sup>2</sup> Джарванг — дикий волк.

...Утром проснулся Кайтмаз.  
В пещере он был один.  
Огонь в очаге погас,  
И обугленный талс шашлык.  
Выбежал юный Кайтмаз —  
Горы стояли крутою  
Безмолвны и обожжены,  
Без дичи и без лесов.  
И не было под скалой  
Соли, не знавшей пены.  
И назвали унал Кайтмаз  
И камень в бессилье graz.  
Вскоре вернулся Дзур,  
Увидел и понял все.  
И с сыном не говорил  
Деять ночей и дней.  
А на десятый день  
Сына к себе позвал  
И у него спросил:  
— Сын мой, где наши леса?  
— Кайтмаз промолчал в отв.  
— Сын мой, где наша дичь?  
— И снова молчал Кайтмаз.  
— Сын мой, где наша сошь?  
— И упал на колени Кайтмаз.  
— Сын мой, где наша честь?  
— И заплакал Кайтмаз, как дитя.  
Вывул тогда Дзур  
Нержавеющей стали клинжал  
И сказал:  
— Мой очаг потух.  
Настал мой последний день.  
Если мой сын — трус,  
Убью и его и себя.  
Тогда произнес Кайтмаз,  
Не поднимаясь с земли,  
— Их было много, отен,

А я был только один.  
И молвал Дзур:  
— Смотри:  
Камень сильнее ста человек.  
Но если мужчина ты  
И хочешь спасти страну,  
То надо рубить так!  
И ударил клинком скалу,  
И она, как сухой пень,  
Надвое рассеклась.  
А сын продолжал, дрожа:  
— Я девушку видел, отен,  
Она была хороша,  
Как первый снег на заре.  
И она меня предала.  
И молвал отен:  
— Смотри:  
Горы прекрасней любви,  
Но если мужчина ты  
И любовь предаст тебя,  
Ее поражают так!  
И проиал Дзур-Дзур  
Гору копьем насквозь.  
И сын подивился с земли,  
Главу в глаза отен,  
Посв потуге ствину  
И отечал так:  
— Я поблду на тот берег, отен!  
Я верну тебе белую сошь.  
И вымашу вновь леса  
Гуще чем до сих пор,  
И расплодятся дичь  
Обильнее, чем была.  
Но сердце мое теплей  
Будет тверже стали клинка.  
И никогда враг  
Не ступит на берег наша.  
И Кайтмаз свое слово сдержал.

## ЮНЫЕ МОРЯКИ

Гриша Кац слыл в школе записанные морсмом: он увлекался книгами о морских приключениях, прочитывал все, что мог



На фото: занятия старших школьников в 170-й школе. У desks инструктор Григорий Кац.

найти по истории морских войн. Часами он мог рассказывать товарищам о торредных катерах, эсминцах, подводных лодках. Поэтому, когда в прошлом году комитет ВЛКСМ 170-й московской школы решил организовать военно-морской кружок, эту работу поручили ученику 8-го класса «Б» Григорию Кац.

Двадцать школьников записались сразу в кружок. Но остались только двенадцать, именно те, для которых занятия в кружке были не только развлечением, но и серьезным делом. Сейчас на груди у каждого из них красуется маленький круглый значок «ЮМ», а Гришка Кац получил уже звание инструктора.

Это лето ребята провели на Москве-реке, ходили на шлюшках и под парусом, научились хорошо плавать. Они загорели, открыли, а самое главное — полюбились у них то неуловимое, что отличает моряка от обыкновенных людей; выносливость, честность и уверенность в словах и действиях. Два раза в неделю они собираются в военно-морском кабинете на четвертом этаже школы. Здесь они изучают штурманское дело, мореходные инструменты, навигацию. Они сами устроили свой кабинет. На стенах висят красочные плакаты, рассказывающие о компасах и визвах огрзжения, о морской авиации и торредных атаках.

Очень интересно заниматься решением различных военно-морских задач. Григорий Кац (он руководит занятиями) чертит мелом на доске контуры ширса (пристань) и задает вопрос:

— Как припарговать корабль голландским стилем? Ответ получен. Следом контуры пристани. Кац рисует несколько кораблей и предлагает новую задачу: как выбрать положение для стрельбы из морских орудий, если цель находится на фоне заходящего солнца?

Каждый ответ иллюстрируется чертёжками на доске.

В кружке есть свои традиции. Перед каждым занятием Григорий Кац рассказывает интересные эпизоды из истории русского флота. С большим интересом слушают члены кружка о путешествии адмирала Макарова на ледоколе «Ермак», о битве при Цусиме, о героизме командиров и крас-

нофлотцев наших подводных лодок во время войны с белофиннами. Члены кружка обсуждают морские операции, изучают приемы высадки и успеха. В этом году у каждого из двенадцати членов кружка появилась свой подшерный военно-морской кружок из учащихся 5—8-го классов, а кружок, которым руководит Гришка Кац, называется «старшихин».

«Наши» учатся по-морскому разв. узлы, занимаются строевой подготовкой.

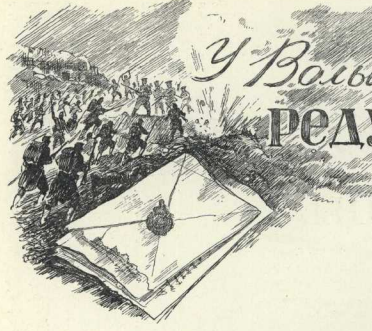
Теперь часто в школьном коридоре можно видеть учеников, которые беззастенчиво разговаривают друг с другом. Часто, часто мелькают из их рук красивые флажки. Это занятия по флажному семафору.

Все члены военно-морских кружков, как правило, хорошо учатся. Они знают, что в противном случае их могут «списать с корабля», или, иначе говоря, вывести из кружка. Члены кружка «старшихин»: Володя Харитонов, Валентин Моисеев, Вова Сарачев, Роберт Бот — пользуются большим авторитетом среди ребят. Все они серьезно занимаются военно-морским делом. Они знают: для того чтобы стать краснофлотцами, надо много знать, тренировать свое тело, закалять волю, воспитывать чувство ответственности, дисциплины. Кто знает, может, после окончания школы страна доверит им занять места у руля своих прибрежных и дальнихбольших орудий советских боевых кораблей.

В. Гарбарев

# У Вольнского Редута

Отважные участники севастопольской обороны. Первый ряд (слева направо): унтер-офицер резервного батальона Польского полка Афанасий Клеменс, квартирмейстер 30-го флотского экипажа Петр Якович и Флор Якович. Второй ряд: боевик 56-го флотского экипажа Алексей Рылаков и матрос того же экипажа Иван Димченко.



Нет нужды подробно рассказывать здесь о героизме участников знаменитой обороны Севастополя в дни Восточной войны 1853—1856 года, о беззаветной храбрости и стойкости русских солдат и матросов, отразивших в течение долгих одиннадцати месяцев натиск превосходящих вооруженных и экипированных союзных войск... Эти удивительные стойкости русских солдат впоследствии были признаны и враги. Так, отбитый 56-ю французского пехотного полка Жорж Эрбе, участник Крымской кампании, в своих письмах семье (опубликованных впоследствии в Париже) приводит замечательный пример преданности русского солдата воинскому долгу.

Прочтите эти строки, написанные французским офицером, и вы согласитесь, что никаких комментариев здесь не требуется...

48 июня 1856 года. Вольнский редут под Севастополем.

Любвеобильные родители!

Вчера после штурма, в котором участвовала горячо любящий вас сын, наш Вольнский редутом взятая фланг великой Франции. Впервые за девять месяцев прокаткой оселки Севастополю мы одержали успех над русскими. Первый успех! Четыре дивизии — 35 тысяч бравых французов — были брошены на девять сотен зинитчиков трех переделов русских редутов. Дрался русское как львы, умирали, как герои, но мы расстреляли их, правда, ценою потери шести с половиною тысяч человек — почти десятой части всей нашей армии.

Варочестивыми молитвами матушки я остался жив и невредим. Когда бой к ночи стих, мы, изнемогая от усталости, заснули под открытым небом, положив головы на трупы товарищей и врагов.

Я проснулся от головной боли. Раскаленное солнце стояло высоко. Вокруг было страшное зрелище. На изрытой ядрами площадке редута, на искалеченных пушках и обвалившихся брустверах из мезонин с земли — везду валились трупы труны и сотни раненых без помощи, без глотка воды под безжалостным солдцем.

Спасаясь от истерического зноя, я забрел в землянку и присел на скамеечку в раздумьи. Когда наша армия выдвигалась в сентябре прошлого года на берег Крыма, мы отпалывали друг с другом ригелей в надежде плясать его через два-три дня с севастопольскими красавицами в их чудесном городе. Ничего невероятного в этих надеждах не было. С тех пор Севастополь был беззащитен. Но русские — удивительный народ! В два-три дня они превратили город в грозный, укрепленный лагерь, принудив нас откатываться от немедленного штурма и перейти к осаде, опустошившей наши ряды ядрами и тифом уже десятый месяц.

В этих несвязных размыш-

лениях я рассеянно глядел в глубь землянки, на полуосвоенную, разбитую дверь, ведущую в пороховой погреб, и на валившегося волеиз ее русского солдата с разломанной ногой. Занедез он сюда, вероятно, подобно мне, чтобы укрыться от солнца. Он был невелик ростом, неширок в плечах. На лице, изуродованном травмами боевой жизни, блестели умяно голубые глаза. Это был какой-то удивительный, странный блеск! Рваный не стоял, только испарина на лбу гурборла о его страданиях. За ним к выходу тянулся кровавый след.

Мне стало жалко его. Пожелал заглянуть сюда санитаря, и он, брошенный и забытый, встает кровью. Я прижмаю капюль вывести его на воздух. Палецный капюль брезганно покосился на русское, но тотчас вызвала четырех солдат. Раненого унесли.

Меня вызвали к полковнику, и только часа через два я вернулся в землянку. К удивлению моему, у полуосвоенной двери, сквозь щели которой выдвигался боище с порохом, опять лежал тот же раненый. Глаза его поперечно-му горелки тем же странным блеском. В руках он что-то держал и при моем приближении с удивлением стиснула аудна, словно ярча какою-то сокровище.

Заподозрив его в намерении подложить порох и взорвать себя и нас, я выхватил пистолет и крикнул проходившему мимо землянки капюль: «Сюда! Ко мне без промедления!» — «Что угодно, капитан? — спросил встревоженный, запыхавшийся капюль.

Но молчаливо, хоропомно обиничте этого человека! Раненый отчаянно сопротивлялся. В его левой ладони я нашам медный нательный обрзок, на зезде у груди спичку с истертой об обрзок форфорной головкой, а в другой ладони еще две спички с целыми головками.

Я мог без суда пригнать раненого на место, но меня мучило бескорыстие его помысла. Он готов был исполнить свой долг, но заботясь о том, что его героическое имя останется неизменным в народе и родине. Я убрал пистолет и приказал капюль: «Разбейте санитарю и тотчас отнесите раненого в госпиталь».

Любительные батюшка и матушка! Поставьте вам обрзок со слаллами красного фосфора, чтобы и вы почувствовали, что за удивительный народ эти русские. Когда дождится эта проклятая война, милость, которую я буду просить у бога, — это не сражаться более против русских. Вместо с шми-да, и некогда против них!

Любящий вас сын Жорж Эрбе.



Адмирал Нахимов на батарее 4-го батальона.



Русские пехотинцы времени Крымской войны.

# Стены

## «ЗЕЛЕННОЙ УЛИЦЫ»

К. ИСАЕВ

Фото Н. Гусанов

Небольшая, скромно обставленная комната. Над столом склонился человек. Он громко рассказывает: кого-то спрашивают, кому-то властью отдает команды, диктует свои приказы. Но он здесь один. Комната изолиро-

вана. Стены ее задрозирован шумистой байкой, и сюда не доносится шум стальной улицы.

И все-таки в этом уединении чувствуется биение пульса своеобразной, напряженной жи-

ви. То и дело здесь раздаются голоса каких-то невидимых собеседников — уверенные, спокойные, полуплутовские, а иногда астревожные, взволнованные.

Огромный мир находится за стенами комнаты, за пределами столичной улицы. Мир этот — желанная дорога, а уединенный кабинет — неоплачиваемая часть железнодорожного организма, рабочее место поселного диспетчера.

«Диспетчер» — одно из самых юных слов в русском языке. Оно перекочевало в наш словарь с американского континента приблизительно пятьдесят лет назад. Главным «объяснителем» означает: отправлять, отсылать, торопиться... Поэтому диспетчера можно назвать отправителем. Но он не только отправляет поезда: поездной диспетчер — дирижер движения.

...Вот он распологается за столом в одном из кабинетов первого отделения службы движения Ленинской железной дороги. Вечер. Часы, аккуратно висящие в высокую стенку стола, показывают восемь. Рядом с циферблатом два круглых отверстия: в одном микрофон, в другом репродуктор. Слева от диспетчера, минутающий индикатор — сектор, просит говоря, центральная телефонная станция. Это главный инструмент в руках диспетчера. Полярным тоном или низким клокотом сектора он может вызвать любую станцию своего участка, какую-либо службу дороги и даже всех абонентов сразу.

Под столом находится педаль.

Диспетчер взвораживает один из кнопок секторатора. Репродуктор откликается нестройным хором голосов станционных работников, загорающих одновременно. Но репродуктор вдруг замолкает. Диспетчер, чтобы голоса не мешали, нажал ногой педаль, а затем, воспользовавшись тишиной, объявил:

— Вступая в дежурство, Диспетчер Уманский. Проверьте часы. Двадцать часов одна минута...

Максим Уманский около восьми лет работает на железной дороге. Когда-то был дежурным по станции, а затем помощником начальника станции. За эти годы он хорошо изучил все пути, их многочисленные ответвления, стрелки, близости и впадины. Любят машинисты, кондукторы, дежурные по станциям и операторы — тоже хорошо ему знакомы: не по фамилиям, а лично.

Кто-то опоздал к секторатору, когда Уманский вступил в дежурство.

— Москва! — восклицает далекий голос.

— Диспетчер! Кто дежурит?

— Я дежурю, Уманский.

— Здорово, товарищ Уманский! Говорит

Чечурин.

— Здорово, товарищ Чечурин. Пятьсот вось-

мисетный провези склад. Это тяжело...

Поворот клавиш секторатора. Слышится жен-

ский голос. Диспетчер спрашивает:

— Сообщите положение станции.

— Десять вагонов под выгрузкой, двадцать

порожника.

— Диспетчер! Диспетчер! — не устает гром-

коговоритель. — Я Косошеев. Десятый про-

скадывал. Что за вам будет?

— Триста семидесятый. Принимайте на тре-

тид путь.

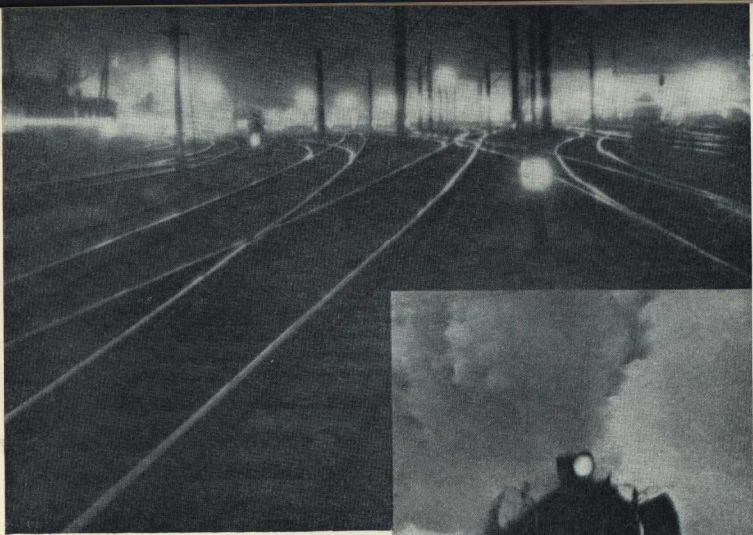
В уединенной комнате над столом склонился человек... Это поездной диспетчер — дирижер движения.



Сверкая в лучах станционных прожекторов, рельсы убегают вдаль. Здесь началось «зеленая улица», ее преддверье — бинокль.







— Диспетчер! Я Воскресенск. Где десятый?  
— Идет к вам по расписанию.  
— А триста семидесятый?  
— В Кавказку.  
— Рамесник! — обращается диспетчер — Почему не сразу отвечаете? Что у вас на шестом пути?  
— Порожак. Десять вагонов.  
— Немедленно убрать! Примите на этот путь шестой.  
— Повторю!  
— А пятсот восьмидесятый отправляйте сразу после набора воды.  
— Тоже повторю!  
— Диспетчер! Я Люберцы. Пролетелов семсот сороковой.  
— Он с пылеугольным паровозом?  
— А я не посмотрела.  
— В следующий раз будьте внимательней.  
...Ни на минуту не замолкает громкоговорятель. Перед диспетчером разостлали широкое полотно бумаги, бесперенное разсветляемыми лампами линиями. Сообщая о подходе поездов и отдавая команды, он пристально всматривается в пригудившую сеть линий.

Где-то на дальнем перегоне мчится поезд. Вот он микноват одну станцию. Диспетчер уже знает об этом и уверенно провозит валяющую черту на бумажном полотнище. Поезд мигнет еще одну станцию — диспетчер продолжит черту. Большая станция, уставший паровоз жалко набирает воду — диспетчер отмечает стоянку продольной чертой. Вскоре состав оинт в пути — наклонная линия, символ движения поезда, снова устреляется вверх.

На бумажном листе возникает картина непрерывной работы транспортного конвейера — график движения.

Каждый поезд на доосе заранее предусмотрен и занумерован. Время расчитано так, чтобы возможно позже, лучше использовать путь и возможный состав. График, вычерченный в соответствии с расписанием, имеет собою идеальную картину движения на участке. Его наклонные линии почти непрерывны. Продольных черточек мало. Но действительность часто вносит в график неожиданные изменения. Самые неприятные, непредвиденные при-

На перекрестке железных путей горят разноцветные огни — путе-водные века поездов.

Где-то на дальнем перегоне мчится поезд. Машинист всматривается во тьму ночи. Впереди бесконечная цепь зеленых огней. Путь свободен.

чины могут вызвать разлад, дезорганизовать движение на участке, а затем и на дороге.

...Поезд в пути. Машинист горко всматривается вдаль. Впереди во тьме ночи мерцают зеленые огни. Бесконечная цепь огней. Паровозики и движениы называют ее «зеленой улицей». Это автоматические светофоры, автоблокировка. Вот мимо зеленого фонаря промелькнул последний вагон. На фонаре загорелся красный свет, а немного погодя его сменил желтый. Это значит: поезд микноват следующий зеленый светофор.

Во время дежурства Уманского перегонца лампочка одного из многочисленных зеленых фонарей. Машинист остановил поезд. На предыдущем светофоре поэтому продолжал гореть красный свет. Остановился и следующий поезд. Красными огнями путь был автоматически закрыт. Одна неисправная лампочка мгновенно приостановила движение на перегоне. Правда, всего лишь на несколько минут: лампочку тут же сменили. Но поезд уже «милбился» на расписании. Диспетчер оказался в затруднении: каким поездом отдать прему-

щество? Нужно продвинуть обозначение, тем более что среди них есть пассажирские, во тогда придется задерживать поезда, отправляющиеся одновременно. А это значит, что и они выйдут из графика.

Часто в диспетчерской службе возникают такие сложные задачи. Чтобы решить их, требуется не только знание дела, опыт, но и находчивость, расторопность, решительность. Малейшее замешательство, растерянность могут лишь усугубить разлад движения.

Диспетчер без промедления вынимает к сектору ближайшей станции машиниста скорого пассажирского поезда.

— Вы опоздали из-за неисправности лампочек светофора — говорит диспетчер. — Я вижу вас в расписании. Дам «свободу уличку». Сделайте вагон.

— Понял!

Через две-три минуты состав уже в пути. Но диспетчер озлоблен. Впереди скорого движется пригородный. Можно ли использовать остановку пригородного на ближайшей

станции Виноградово для пропуска скорого поезда? Поворот ключа селектора. Отключается станция Виноградово.

— Что у вас за третьем пути? Надо принять пригородный.

— Формирует состав. Остальные пути тоже заняты.

— Перегоните сейчас же маневровый паровоз вагоны с третьего пути в Колобоevo. Пригородный стало у вас под обгон.

Колобово получает распоряжение принять виноградовский состав. Но понимает, что он велик и не устанавливается на заданном пути. Пять вагонов загораживают стрелку.

— Пересортичь их на любой запасный путь! Что у вас на четвертом пути? Две вагоны? Поставьте еще пять! Поскорее!

— Поинто!

Скорый проследовал Виноградово без остановки. Вперед его входу встречали огни «зеленой улицы».

— Оглядывай Уманский вызвал к селектору машиниста товарного поезда Костева.

Диспетчер звонит на себя объективом — дает «зеленую улицу», а машинист — промывает поезд от Сортировочной до Воскресенска без обхода любого остановки для набора воды на промежуточной станции.

Стороны аккуратно выполняли социалистический договор. Диспетчер и машинист доказали, что скорость товарного поезда можно значительно увеличить.

Так на Ланской дороге появились термин «товарный экспресс».

Недавно Уманский провел на дежурстве станицанские сутки. Несмотря на непредвиденные помехи он успел пропустить 21 «экспресс». Выясне понятно, что диспетчер не имел права при этом задерживать ряд «товарного экспресса» другие поезда, продвигавшиеся перед ним — наспаску. Приходилось комбинировать, открывать резервы пропускной способности участка, умело пользоваться личными качествами машинистов и главным координатором рассчитывая на их опыт и любовное отношение к делу.

На многих перегонах в расписаниех диспетчера четыре железнодорожных пути: два — для грузового и два — для пассажирского движения. Поезда следуют друг за другом через очень короткие промежутки времени. Тем не менее опытный диспетчер всегда находит «дырки» в графике и успевает пропустить машины и вагоны в расписании и без ущерба для других «товарных экспрессов». Случается, на пассажирских путях отбывает грузовое движение. Диспетчер, руководя на станционных платформах, наблюдает удивительные картины: два товарных поезда мчатся в одном направлении, как бы стремясь обогнать друг друга. Несколько свидетелей этих «гоним» испуганно спрашивают человека в красной фуражке:

— Что случилось?

И тут же с грохотом приближаете друг друга товарных поездов в противоположном направлении.

— «Товарные экспрессы»... — лаконично отвечает железнодорожник.

— Вечером начальник отделения или старший диспетчер собирает всех дежурщиков, рассказывает на столе длинные свитки «графика» и начинает с придирчивым исследованием каждый вагон выходящего состава.

— Замечательная картина! — восторгается он, глядя на ночи темные линии «экспрессов», и берет другой лист.

— А здесь что-то неладно... — мурмлет на чуждые отвлечения при виде длинных продольных линий столбов... и начинает расширяться нерасторопного диспетчера:

— Почему же вы отправили из Перова семьсот шестьдесят шестой поезд, когда у вас в Сортировочной был состав шестисот тридцатый? Неужели не могли скомбинировать?

— В то время, когда идет этот детальный разбор графика движения, в Сортировочной столах напряженно работает другая смена. В удивленных кабинетах большого дома на Краснозвонидной улице, в Москве, иногда, ни на одно мгновение не замирает жизнь. Тридцать диспетчеров — девять мужчин и женщин, молодые и молодые люди — командуют вечным движением поездов.

Фото В. Захарова



О. Зоруйченко.

## 18 МИНУТ

В. ВИКТОРОВ

Глухие ударами гонга отдавались у него в уши, как бой часов с дробовой башни. Он раздался, вздрогнул, битовый удар. Все время чувствуя рядом с собой Алексея Ивановича. Затем Олег, привычно проскользнув между канатами, вышел на ринг и влур расщепляющий, словно вне фокуса мир, обрел яркость, глубину, рельефность. В противоположном углу стоял, опираясь на канаты, Ганькин.

Несколько месяцев боксер среднего веса Олег Зоруйченко и его тренер Алексей Иванович Уверский думали об этом человеке, вспоминали его бой, повадки, вкусы. Олег знал, что в финале личного первенства он должен встретиться с Ганькиным. И вот эта встреча происходит сейчас, теплым летним вечером, когда с Москва-реки доносится дуновение влажного ветра, а огромный амфитеатр Зеленого театра доисава наливает народом.

Итак, перед ним боксер, не проигравший за последние пять лет ни одной схватки, не знающий, что такое усталость, и в шестом раунде ведущий бой таким же боеспособным, как и в первом. Ну что же, Олег Зоруйченко — боксер других вкусов. Он любит менее быстрых темп и более точный удар. Во всяком случае, предпринимать схватки он привык именно так. И, как выдуть, выиграл. Иначе не стоял бы он тут, оспаривая звание чемпиона.

Еще один человек проскользнул между канатами. Теперь боксеры коммандуют своим бой и судья. Судья в свое время был известным бойцом. Олег, судья бокс по его старым. Может быть, издала Гражданского имени воемандательного революционного паренка, который всегда вертелся у ринга и таскал подмышкой комплексы журнала «Физкультура и спорт». Впрочем, все это неважно сейчас, когда вот-вот прозвучит гонг. Олег ощущает теплую руку Алексея Ивановича на своем плече, слышит его последний совет и одновременно с медным звоном делет шаг вперед. Сразу же он чувствует удар — легкий, пружинистый. Еще один — резкий и внезапный, словно удар электричества.

Готовая к бою, Олег пытался предвидеть, как же выдуть Ганькин не со стороны. Теперь ясно: если бы электрический ток мог принести человеческий облик, он был бы похож на этого бокера.

Бой идет на дистанции. Чем дальше равняется раунд, тем больше нарастает быстрота. Боксера млевают по рингу, угловое судьи не успевают фиксировать удары. Ганькин бьет с левой руки, Зоруйченко — с обеих рук сразу. Он удвоил темп, и никто не унебит теплого в нем обычно расщепленного и медлительного бокера.

Что же случилось с Зоруйченко? Тепера, когда бой уже начался, можно открыть секрет. Это классика пастельная картина. Несколько месяцев Олег и Алексей Иванович работали над тем. Для этого тренера применили спарринг-ковнера. На ринг выходили Зоруйченко и первый партнер.

— В бой! — говорил тренер.

И бой шел до тех пор, пока не унебит удар партнера. На ринг выдвигался второй бокер. Снова шел бой до тех пор, пока не требовалась помощь третьего.

Так Зоруйченко готовился к встрече со своим главным противником. Он знал: чтобы победить Ганькина, нужно переменить тактику. К сильному удару следует прибавить гавняющую быстроту. Нужно удвоить, утроить количество точных ударов. Сколько для этого потребуется сил? Смогут ли выдержать легкие железный организм Зоруйченко такую колоссальную нагрузку? Этот вопрос решится в бой.

Когда прозвенел гонг, извадка колен первого раунда и целые минуты блаженного отдыха, всем было уже ясно, какой сорвииз любителю молниеносного бой подготовили сторонники кокута.

Из угла ринга Олега ждет табуретка, губка, хорошо пропитанная водой, прокладное дуновение полотенца.

— Хорош! — тихо говорит Алексей Иванович, наклонив к Олегу. — Бейте в корпус и попробуйте дробить сверху.

Это значит, что пристрелка проведена успешно, дистанция для удара определена точно, как и в первом раунде. Олег Зоруйченко сказал Ганькину: твой темп мне нестрашен. Во втором раунде он должен закрепить за собой моральное и техническое превосходство. Минуты отдыха, выдохе, выдохе, струйки воды стекают по губам. Чувствуется, что вода заболотило оттягивают резинку трусов, чтобы облегчить дыхание, когда снова надо идти в бой.

Олег видит перед собой кору Ганькина. Это как волна в море. Еще мгновение назад она была дробная, а сейчас облетает тебя брызгами, брызгами ударов. Ганькин дышит легко, глубоко, ритмично. Недало про него говорят, что он побеждает не кулаками, а легкими и сердцем. У него нет сильного и точного удара, но там, где можно провести один короткий, он промывает три удара. А каждый удар — очко. Не зря же сидят по краям ринга угловое судьи.

Какая быстро в этом человеке! Бой с ним словно выключен в иную пору времени, будто заклевывают удары. Сперва они кажутся легкими, неопасными, но постепенно ты захлебываешься, не хватает дыхания, слабнет ноги, и боксер, как ветер, свалит на удары, удары удару.

Но Зоруйченко умеет хорошо впасть. Он не боится моря. Еще в детстве научился рыжеволосый мальчик идти вразрез вдоль черноморской волны. Дышалось в море, оставалось Зоруйченко и сейчас. Когда он готовился к этой решающей встрече, он часто выходил в Финский залив на яхте. Какое наслаждение нести по ветру, свалит на удары, удары удару, удару смель! И вот теперь, когда ринг выключен перед ним, словно в девятилетней шторе, и Ганькин плывет перед глазами, то приближаясь, то отдаляясь, Зоруйченко онемо пошевелит вразрез моря. Внезапно, ни этого того чтобы отступить, ведь бой на дистанции, он стремительно двинулся навстречу, и, прежде чем успеть подуться: «Сейчас я пущу в ход левую!» — Ганькин ударил в Ганькина. Уже сто в углу ринга, Олег пошевел: ударяет чистый удар в подбородок.

Словно выключен в иную пору времени, будто заклевывают удары. Судья считает: — Раз, два, три, четыре...

На четвертом счете Ганькин пытается подняться. Он не хочет использовать еще пять секунд драгоценного отката? Хороший признак! Это значит, что удар был достаточно сильным, и Ганькин утратил ясность сознания. Олег приготовился броситься вперед, но нет, инстинкт бойца снова призвал Ганькина к отступлению.

Пять лет назад из Парижа в СССР приехал чемпион мира Марсель Тиль. Ни один средне-век не умел стоять перед этим боксером, с виду похожим на гирицу. Тиль встретился с советскими боксерами в учебном боксе. На ринге рядом с ним стоял переводчик и, когда удар был не слишком красочен, дополнял его двумя-тремя фразами. Тиль рассказывал Олегу Загорюченко и в свое время посетителям обринули на него один настоящий удар. Олегу показалось, что на него свалилась железная балка. С тех пор Загорюченко много времени потратил на то, чтобы научиться выдерживать в кулаке вес своего тела, все сорок шесть три килограмма без остатка.

— Это Марсель Тиль научил его кроку слева. Раньше Загорюченко не умел бить слева, почти не отводил руки, стремительно и резко, от плеча. Тиль показал ему этот удар.

— Попробуй, а сделать не могу, — сказал Олег французцу.

Тиль расхохотался и ответил, что он тоже сразу не мог.

Сейчас этим ударом был брошен на колени Ганькин.

— Семь, восемь, девять... — считает судья. И в то же мгновение, согнувшись вдвое, Ганькин прямо с настли кинулся Олегу на грудь. Он прижимается к нему, обхватывает его руками, и Олег чувствует, как его начинают давить нога непобедимого боксера. Но Загорюченко умеет вести бой не только на дистанции. Ближний бой ему даже больше по душе. Он любит скакать вперед, выискивая воята теля, а руки плетут гитрому сеть ударов и тычков.

Два коротких удара по корпусу. Еще сильнее дрожат ноги Ганькина, превращаются в две тонкие шпатель. Когда же, наконец, радостно: «Бракс!»? Но вместо этого внезапно звучит гонг.

Слова табуретка а углу ринга, и струйки воды стекают по плечам, и слышен шепот Алексея Ивановича:

— Нужен еще один удар в ближнем боксе или с подлеставкой вдали.

Такой современный бокс. Прошла пора рязарских дуэлей, похожих на фехтование. Английскую школу сменил американский стиль. Знает классического бокса — добрый старик. Правый удар левой — все чаще замаскирован кроком, ударом сбоку, рожденным в тесной схватке, в ближнем бою. Привык — не всегда кратчайшее расстояние между дуэля точками. К победе иногда легче прийти окольным путем, с помощью крока.

«Удар в ближнем бою» — этими словами проводил Алексей Иванович Олега.

Но что это? Ганькин встал и не думает искать защиты на чужой стороне. Он изматывает третий раунд снова и снова. Слова Олега захлестывают удары, и как опытный плывец он должен пробовать себе дорогу. Загорюченко выносит правый левый удар по корпусу. И вот наступил момент, который предвещал Алексей Иванович. Ганькин внезапно пошел на обложение. Тесная схватка, ничего не видно, словно вода покрывала его голову. Варут Олег заметил провет. В следующие мгновение он провел свой кулак в этот провет, и удар стало удивительно мягко и свободно. За частями ринга расходящая тьмота Зеленого моря по освещенному электрическими зарницам небу плывут облака. Ганькин лежит на спине.

Стоя в углу, Олег понял, что удался четный крок правой в подбородок. Сам того не замечая, он слегка покачивался под счет судьи. Удался ли подкатить амфибия? Удар был хорош, но девять секунд — это слишком много для того, чтобы размякнуть кулак.

Для хорошего боя девять секунд — целая вечность. Джек Тунней в бою на перекрестке мира с Демисом впервые был брошен в нокаут. И Тунней успел продумать три

варианта боя: отказаться от ближнего боя, от вострой атаки и решить, что единственный его шанс — атаковать, отступать. Вот что может прийти в голову за девять секунд, когда лежишь на полу после настоящего удара и слушаешь над собой счет рефери... На счет «восемь» Ганькин поднялся. И снова, согнувшись, кинулся на грудь Загорюченко, и снова зонт гонга раздался раньше чем судейское «бракс».

В тот момент, когда Олег опутился на табурет, он вдруг почувствовал слабость в ногах. Усталость у боксера, так же как и у пловца, накапливается в ногах. В каждом спорте неизбежна эта критическая минута. Варут становится трудно дышать, мутной властью наливаются мышцы. Опытный спортсмен знает, когда начинается этот прилив слабости, когда он проходит и возникает ощущение удлинительной ладости, свободы, неутомимости, что и называется в спорте вторым дыханием. Но этого легко ждать, сидя на стуле, а не в бою, под натиском противника.

Слабость нарастала, трудно было даже слышать шепот Алексея Ивановича. Олег понял, что четвертый раунд будет самым трудным, может быть, решающим...

Алексей Иванович, низко пригнувшись у ринга, следит за борьбой. Он понимает, как тяжело приходится чемпиону. Но он также знает, что сломить волею этого юноши не так-то просто.

Пять лет назад они встретились в Ленинграде. К этому времени Загорюченко прошел уже чуть ли не во всех крупных тренерской страны. Он жалко читал о боксе все, что можно было достать, вел перепуску с боксерами, испытывая разные системы тренировок. Он мечтал быть мастером нокаута. Но для этого надо было обладать безупречно сильным и точным ударом, а это не давалось сразу. Точность научил его Уверский.

Алексей Иванович еще в 1912 году был чемпионом России. Умо жажно он прощел среди боксеров и умел понять человека с первого движения. Он увидел Загорюченко в бою с Рыкуновичем, ему понравились точность движений, спойксивые и волеустремленность Олега.

Фото И. Боговлевского



О. Загорюченко на тренировке.

га. После боя они разошлись, и Уверский предложил Загорюченко прийти к нему на занятия. С тех пор Алексей Иванович стал учителем молодого боксера. Много радости доставляли тренеру упорство и неистощимая любознательность ученика.

Загорюченко родился и вырос на юге Украины, но, переехав в Ленинград, он к удивлению всех, поселился в дальней и снежной деревушке за Парголово. В маленькой дерешнякском доме перенес маленькую операцию «вот левый и правый кулачки смести». На ринде Загорюченко не видел настоящего снега, и лыжи были для него лыжников. За год он стал прекрасным лыжником, но божья воля не позволила ему выучиться на лыжника.

Что может быть чудеснее стремительного спуска в снежной зимой еще время зимы и зима?

Первый шаг с крутой горы! Поворот явки в последний момент! Удар правой! Для всего этого нужно такое упорство, чтобы себе самому не признаться, что устал, боишься, струсил...

И он все четвертый раунд несмотря ни на что, с упорством, не позволяя самому себе признать, что усталость все возрастает и возрастает.

На табуретку он опустился мокрый от пота и струек воды, словно только что пошел на берег после купания. Последний год Олег снова провела у воды и в воде. Загорюченко был призван в Военно-Морской Флот, плавая на катерах в Балтике и Черном море. Только перед соревнованиями он вынужден был находиться в тренажерном зале у Алексея Ивановича.

Да, сейчас его товарищи с котора не были бы ни довольны, Алексий Иванович все равно хлестал бы его по плечу. Слова были измучены.

Очень трудно было подняться и снова выйти на середину ринга. Но раунд не ждал, пятый, предпоследний раунд.

Алексей Иванович понимал, что все решится все сейчас, и в эти минуты выискивал последние минуты. Если Олег сумеет удержаться сейчас, то уж шестой раунд он не отстанет ни за что.

Ганькин все наступил, оставил Загорюченко ударам, и каждый удар рывался, и каждый удар отменялся в ластках угловых судей.

В эти минуты Алексей Иванович думал, что он скажет в черере Олега. И зна, что Олегу будет особенно тяжело даже предположение об усталости, или в перемие между раундами шепот:

— Ну что, здорово устал?

Как выносливо и подбрылся Олег!

Я устал? Ничуть, — сказал он.

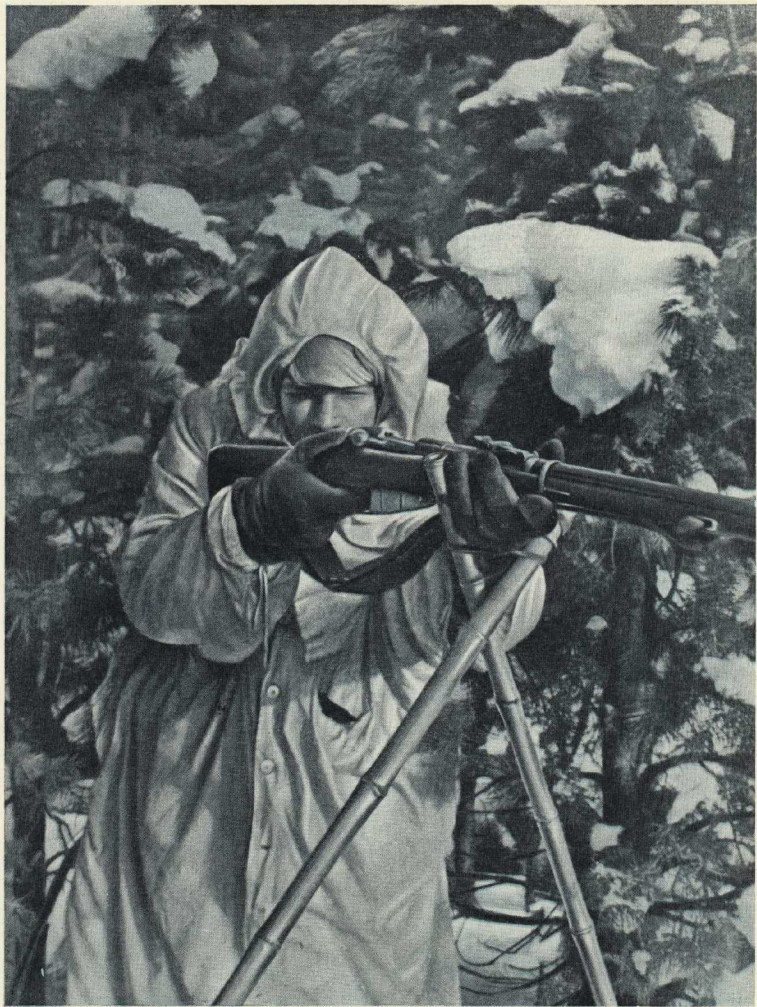
И тренер почувствовал, что боксер дышит ровнее.

Кто хоть раз стоял на боевом выстреле, знает, как велико воленое сопротивление, когда надо идти противлучше ничего не решая, и все должно выиграться вот сейчас. Кажется, исчерпаны все силы, весь заряд мышечной энергии и воли. Обойма сунула! Боксер пошатнулся. Но вот он легким движением снова ушел от удара, сам провет свой удар — и усталости как не бывало.

Снова на один удар Загорюченко отвечает двумя, на темп отвечает тройкой. Еще два удара — и все. Звучит гонг. Больше ничего не успеть. Можно идти в угол. Там, на краю ринга, Олега ждет озабоченный Алексей Иванович. Но Загорюченко видит, что тренер доволен. Из-под бровей пробегают слезы, сияющие серые глаза, и рука прожигает лысину.

Хороший был бой. Олег чувствует радость от того, что он дышит, от того, что из темноты доносится звук заплывающего льда на пристани. И пока стаскивает перчатки, разбито выкинул руки и Алексей Иванович абсолютно укупывает халатом плечи. Олег наблюдает заплывающую процедуру. Рефери сообщает заплыва у угловых судей и, склонившись к главному судье, поточно ему что-то докладывает. Сейчас во углу, куда был направлен кивок главного судьи, можно будет узнать победителя. Но только, когда рефери вывел его на середину ринга и залерлу кверху его правую руку, Загорюченко понял, что восемнадцать минут боя уже в прошлом, что он победил.

1 Бракс — английское слово. В данном случае оно означает припад судьи разбитости.



*В засаде.*

# ДВА ПОЛЕТА

(ИЗ ФРОНТОВЫХ ЭПИЗОДОВ)

В тесном, подбитом ветром кабинчике, в широком ритме стрелок-радист Рыжиков из эскадрильи скоростных бомбардировщиков кажется человеком лет за тридцать, очень полным и медлительным в своих движениях. Но стоит кончиться боевому делу, стоит свистеть теплое обмундирование, и он становится совсем молодым. Теперь ему нельзя дать и его двадцать лет.

Летает он недолго. Но летать любит. Очень любит. Да и как, спрашивается, не любить это чудное дело, особенно когда ухаживаешь в полет на такой машине!

Машина у него, действительно, замечательная! Когда запусит она мотора—стоит невозможно. Вихрь подхватывает вас и отбрасывает в сторону. В воздухе к ней тоже подступиться опасно. Если несколько таких эпизодов длится вместе, крыло в крыло (а скоростные бомбардировщики летают не хуже истребителей), вражеские летчики не рискуют вылезать в драку.

Командир экипажа, с которым летал Рыжиков, был комиссар эскадрильи, старший поллитрук Буряковский, штурманом ходил с ним старый, привлекательный товарищ—старший лейтенант Одинцов.

Их машина была ведомой. Это значит, что она замыкала строй, а враг нападал всегда сзади, снизу, чтобы ударить хвост бомбардировщика. Тут-то все искусство стрелок-радиста и скандалится. Он—глаза летчика, устремленные назад. Наблюдать за воздухом, чтобы не допустить экзистенции, сессексидии, взорвения. Чтобы успеть отвести глаза короткой, но меткой пулеметной очередью—вот его главная обязанность в боевом полете.

\*\*\*

В этот день эскадрилья получала задание уничтожить железнодорожный узел. Минуты выжили на цель, и тотчас же они встретили ураганный огонь вражеской зенитной артиллерии. Буряковская была в воздухе. Все эскадрилья — и каждая из ее боевых машин—оказалась в сплошном кольце огня. Обладка дыма возникла впереди, сзади, справа, слева, выше, ниже. Дым плыл вперед за препятствия маневрирующей машиной, растекался и тотчас появлялся в новом месте.

Земли не видели: плотная облачность склалась вокруг над землей.

Несколько бомб. Пожар станицы заметили лишь несколькими минутами позже, когда под ними возникло белое, свободное от облаков небо. Густые черные клубы дыма охватили станционные постройки, стелились по земле, гонимые ветром.

А вражеские зенитки продолжали бить. Бомбардировщики, участвовавшие в налете, расстреливались. Машина, где летал Михаил Рыжиков, осталась позади. Огонь.

Ждал для враг этого момента над просто ему подвело, так и осталось неизвестным. Но в любом случае, именно теперь появились три боевых «Фоккера».

Три одностепенных истребителя позвали—перелет Рыжиков командир экипажа Буряковский. Так—ответил тот—командир огнем! Где сейчас «Фоккеры»?

Рыжиков подал команду, и Буряковский сложным маневром вывел тяжелую машину на опасное положение.

Истребители подошли ближе и ближе, подлетели открыли огонь. Неудачно, промахнулись. Снова набрали высоту и пошли в пике, чтобы срезать попытку захватить под самый хвост «Фоккеры». Тотчас же сзади, сверху, как будто сзади длинными часами. Рыжиков напряженно в глаза, готовый открыть огонь. «Фоккеры»

выжили на цель, и в то же мгновение загорелся пулемет стрелка-радиста.

Ах, так совпало. Но противник упрямоват. Когда же ему, действительно, и нападать, как не сейчас! На трех «Фоккерах» было два надлета пулемета, а на «Сбз для стрельбы назад» — два. Два пулемета против двенадцати!

Выскочил из облака, вражеские истребители еще раз открыли огонь. Тонкие красивые струйки от трансирюжиков пули ползли к кабине в восточной части бомбардировщика, где сидел Рыжиков.

Примельну к пулемету, стрелок-радист отвечал на огонь. Михаил видел даже, как при начал следующую атаку.

Но проследовать продолжала лишь одна вражеская машина. Где были две другие? Облетел Ушин? Во всяком случае они выжили из боя.

Вскоре и третий вражеский истребитель, увеличившись в бесполозности атак, сбавил газ, отстал. Михаил видел даже, как при начал развертываться. Потом скрылся в облаке.

— Вот и слетали,—весело сказал Буряковский, выходя из кабины на своем аэродроме.—Хорошо слетали, Михаил?

\*\*\*

Он почувствовал удар в ногу, словно что-то обожгло. Проклялся. Но не сразу заметил перелом в бедре, оцарапан он. Перелом был в кривой. Через мгновение кровь замерла. Он летел на большой высоте. Дымки разрывались спиралью вокруг головы когуду машины. Покажут, их было больше чем обычно. Но этого и следовало ожидать. Пустит, кто другой они сейчас бомбили, очень важный, и, по крайней мере, они основательно прирелись.

Рыжиков осмотрелся. Четыре пробитыя янгли в стенах корпуса. Один из осколков переломил тугу рулевого управления<sup>2</sup> и лонжерон. Туга дерулась на четном слое. Обороты тут же замолот перестав управлаться. Это гибель. Правда, можно выбраться с парашютом. Но машина... Наша машина упадет на чужой территории, на территории врага. Нет! Нискогда! Хорошо еще, что комиссар вел машину в горизонтальном полете...

Чуть мутило...

Что, если Буряковский начнет набирать высоту? Туга немедленно разорвется... Рыжиков схватил рукии обе еи конца, соединил и стал держать.

Нужно было держать тугу, каких бы уследил за ней следовало. Но прежде всего надо было о положении деа. Иначе, захватил правую рукуи оба конца пробитой трубки, а левой просягивался лонжерон корпуса: лонжерон сломан. Туга рулевого управления чуть дернулась. Лонжерон перебит.

— Как чувствуете, тяжело ли?—последовал вопрос.

И. И. Иваню.

— За воздухом следить можете?

— Могу.

— Крепись, Миша...

Дважды стесам заринот. Он подвешен рядом, чтобы в случае нужды стрелок мог вырваться из гибнущей машины. Но теперь он мешал. Рыжиков откинул его в глубь машины. Так удобнее держать поврежденную тугу. Она гуляла, поворачивалась потрескивая. Но он держал ее обеими руками изо всех сил.

Несколько пришло уже домой? Так быстро! Не может этого быть! Все же, видимо, так. Измерительные приборы показывали: Буряковский готовится вымучить шасси. Включил газ в борт—закуржился, голова: голова затнудла какая-то туманная завеса. Да, дома!

А туга рулевого управления представляла собой металлическую трубку опнигерон около пяти диаметров.

Но почему не горит сигнальные огни на приборной доске у него перед глазами? Они должны засветиться в тот момент, когда выключи шасси выключит из крыла. Может быть, ему только кажется, что не горит? Надо наречь свое волю, надо звать это совращение точно. Если шасси не вышнучено, если повреждены механизмы, его обязанность пущить в ход аварийную систему выпуска.

Противная голова застлала зрение. Он закурживает глаза, снова их открывает. Все выключить глаза, снова их открывает. Все выключить глаза, снова их открывает.

Нужно запустить шасси. Буряковский подает машину и без него, но разве это—дело? Что будет с Одинцовым (он сидит впереди, в засекрещенной турели), а также без него, но разве это—дело? Но это возможный каиот. Тогда Одинцова ранит, конечно... Да и для машины посадка без шасси не пройдет даром. На несколько дней она выйдет из строя. Нужно выпустить шасси! Нуко!

«Снизался, Миша, повернем шасси на 180 градусов. Так, леуно тугу поставим на сиденье. Теперь подвинем тугуи аврауно тугу. Вот так. Развернуто? Развернуто!»—сам себе говорил, сам же и отвечал Рыжиков.

Он отстрал аварийный крик гидросистемы, вышнучившейся в турели. Но аварийный крик оказался поврежденным: шасси не вышнучило выпустить шасси: рукии покурить лебедку.

Машина пошла вперед. Но аварийный крик В его распоряжении считанные секунды.

Первый оборот руки лебедки. Как тяжело... Он валелает на ручку обедки, как ручку. Вот так... Нестерпимо ищет ногу. Какется, какое-то вышнучивание отдалось в голове... золотые, синие, красивые крути бегут в глазах, будто крути по воде.

С каждым оборотом рукоятки лебедки становилось все мучительнее, Рыжиков напрягал последние силы:

«Попыт!»

Давно мысль о присосновении к раковой ноге, какавось, ухнула вна быт. Присутствую, еще согнутую ногу, поставил ее на колесо... Теперь стало чуть легче. Лебедка вращалась, привало, медленно, толчками, но двинулась, то замедляла на месте. Еще рыжик. Еще один... Ему было очень тяжело, мускулы руги, предшняя онемела. Колесо лебедки стремительно возвращалось в прежнее свое положение. Отпусти стрелок-радист, тугуи ручкуи снова закрутился, выкли согнулся. Тогда все произошло.

«Не сдвигались Держак? Так держак!»—протворил Рыжиков собственный вышнучившийся крик.

Поднял глаза. Увидел три свещенные точки на сигнализационной доске. Все в порядке. Шасси вышнучено. Мгновенье, и он почувствовал знакомый, дружащий удар от присосновения к снежному покрову посадочной площадки.

Комиссар покрутил на свое обычное место. Уже стук туги моторов. Уже можно развешивательно использовать из-за широких плоскостей металлические лонжероны винтов.

К валуде турели подбежал механик Рыжиков. Он унабедил:

— Ну, что там, авражеский? Вылезай, Миша!

— Равнял... Сам не вылеу... Клинико когонибулд. Да стремнужу вусть принеуст...

Под теплым ударом шасси клин шнуров к трубеи ранин. Отключили их и него не было слышно. Рыжиков разорвал шасси.

Тут же около стремнико его ждали Буряковский и Одинцов. Они вышнучили шасси.—Миша, он сказал комиссар эскадрильи,—спасибо тебе, Миша! Ты у нас настоящий молодец! Правда, Одинцов, настоящий молодец!

\*\*\*

За подлин—спасение товарищей и машины—Михаил Рыжиков награжден орденом Красной звезды.

1 В современном бомбардировщике существует система световой сигнализации для связи между членами экипажа.

# ЮНОСТЬ ЭНГЕЛЬСА

Сто двадцать лет назад — 28 ноября 1820 года — в городе Бармене, в Рейнско-Вестфальской области, в семье богатого купца и фабриканта родился Фридрих Энгельс. Семья у Энгельсов была многочисленной: четыре мальчика и четыре девочки. Фридрих был старшим. Учиться он начал в барменском городском училище.

Бармен — промышленный город. Воды реки Вуппер, на которой он стоит, всегда пропускуровато чисты. Яркий красный цвет «ведет свое происхождение не от какого-нибудь кровавого сражения... и не от стыда за людские нравы», но единственно и исключительно от великого множества красильни», — писала впоследствии Фридрих Энгельс.

Обстановка в школе и дома мало удовлетворяла пылкого мальчика. Из расхожих слов — «они мещанины» слышит он о героях древности, восхищающихся его мужеством и благородством. Ему были по сердцу старинные немецкие песни, но их редко приходилось слышать в мрачном Бармене. Здесь вместо веселых народных песен в воздухе дребезжали гулавесые звуки духовных псалмов. Ханжеское отщипало жителей города Бармена, а Фридрих любил веселье и смех и больше всего ненавидел аскез, лицемерие. Каково ему было жить в этой обстановке, каково было посещать училище, где преподавать на вопрос ученика: «Кто такой Гетте?» — отвечал: «Везбожник!»

Из барменского училища Фридрих переходит в эльберфельдское гимназию. Эльберфельд — красивый городок в Барменской долине. Здесь, работая в ткацком цехе, он совершает дважды в день очень длинную прогулку. Поэтому родители помещают сына в доме директора гимназии доктора Гайтце.

Сохранилось письмо отца Энгельса жене, которое дат некоторые представления о духовном облике пятнадцатилетнего Фридриха.

«...Сегодня он опять осырнула меня, — пишет отец, — я нашла в его ящике какую-то грязную книгу, взятую из библиотеки, повести из жизни рыцарей XIII столетия. Поразительно, что библиотекарь, с которой он оставляет подобные книги в своем ящике. Пусть бог охранит его душу, часто мы становимся страшно злы из-за этого в общении прекрасного мальчика... До сих пор он при себе имеет прекраснейших качеств обнаруживая некоторую бесхарактерность и неустойчивость мыслей, которые меня беспокоят».

То, что отец называл неустойчивостью мыслей, было проследившемся открытием души, идущего ума. Этот ум жадно отсысывал и поглощал все ценное, что встречалось на пути: зрительные впечатления, разговоры, книги. В эльберфельдской гимназии также господствовал дух религиозного фанатизма и лицемерия, дух интрижки, но здесь нашлся хороший учитель Клаузен, тонкий знаток истории и литературы.

Клаузен принял Фридриху интересе и любовь к истории, заронил еще расхожие seeds. Сохранилась школьная тетрадь, в которую прекрасный ученик Фридрих Энгельс записывал устные истории «от сотворения мира до Пелопонесской войны». Тетрадь исчертана планами и картами.

Интерес в истории сочетается с любовью к поэзии. Другая Фридриха увлекается стихами, зачитывается произведе-

дениями своего земляка — молодого поэта Фрейндлера, служившего тогда, кстати сказать, конторщиком в одном из торговых домов города Бармена.

Учился Фридрих Энгельс хорошо. Еще в школьный период он мечтал поступить в университет и посвятить свою жизнь науке. Но этому противился отец. Между горячим любознательным юношей и его консервативной семьей не раз возникали конфликты.

«Пожалуй, никогда еще в подобной семье не рождался сын, — пишет тогдашняя дочь Карла Маркса Элизабета — мой жизненный путь шел бы до такой степени вразрез с ее общим духом».

Отец делал надежду, что его старший сын не нарушит семейной традиции, он силой хотел заставить Фридриха стать хорошим адвокатом. Но для отсчета сына даже гимназия, отец посылает его работать в контору одной торговой фирмы. Однако изнурительная, бесплодная работа, ничего не дающая уму и сердцу, не могла смирить непокорного волею и стремления молодого Энгельса к знаниям.

Энгельс продолжал учиться упорно и настойчиво. Круг его интересов был разнообразен: он любил музыку, ценя бы знакомом древней и современной поэзии, писал стихи, рисовал. Юношеские письма Энгельса и братьям Гребер полны остроумных, хорошо исполненных карикатур. Поражала его способность к изучению иностранных языков: в ранней молодости Энгельс знал 24 языка, о чем часто писал сестрам.

Это была живая, веселая, полная энергии и энтузиазма молодой человек. Он любил вставать рано, с восходом солнца, гулять, заниматься спортом. Отлично ездил верхом. Фестивали, прекрасные гулянья, каждый день проделывая гимнастические упражнения. Солнечная погода, красивые пейзажи всегда были исполнены для молодого Энгельса глубоким очарованием. Луга, леса, море, реки, горы неизменно наполняли его жизненной силой. Он высмеивал тех молодых людей, кто «страшно раздражал их, как безделья, цесарские кулачки при малейшем холоде и считают для себя честью освободиться, по слабости, от военной службы».

Работая некоторое время в бумагопрядильном заводе, Фридрих Энгельс наблюдал условия жизни и труда фабричных рабочих. В одном из своих первых сочинений «Письма из Вупперталь» Энгельс с искальчительной силой описывает их тяжелую, мучительную жизнь.

Главными словами клебмит он тех, кто так бесчеловечно эксплуатирует рабочих, кто раздражает их, как безделья, цесарские кулачки при малейшем холоде и считает для себя честью освободиться, по слабости, от военной службы. Он выступает здесь также и против суеверий, распространенных среди угнетенного народа, против религии. Энгельс убежденно заявляет, как уродует она характер человека, ограничивает, уничтожает лучшие качества. «Письма из Вупперталь» были опубликованы в журнале «Земельная борьба» большой шум. Все их интересовало, что автор, скрывающийся под псевдонимом «Ф. Освальд», никому и в голову не приходило, такими «кормальными» статьями направившими против богачей-эксплуататоров, стихиями, «оскорбляющими»

религию, выступила восемнадцатилетний Фридрих Энгельс — сын уважаемого и почетного купца Эльберфельда, глубоко верующего, фанатического человека.

\*\*\*

Работа Фридриха Энгельса в бумагопрядильне не удовлетворяла ни его самого, ни его отца. После долгих размышлений отцу Энгельс решил отправить сына в Бремен, на службу к своему другу саксонскому консулу и экспортеру Генриху Лейпольту известному строгим, консервативным образом мыслей.

Бремен лежит на берегу моря. Гигантские просторы открывались глазам Энгельса. Юноша Энгельс, влюбленный природой, увидев море, восклицал: «О, как приятно, увидевшее познать море и альпийских закатов. Но красивые пейзажи не заслоняют от него зрелища человеческих страданий. И как в изгнании, так и здесь печальнее оно о горькой участи бедняков, «слабее», не имеющих никакой собственности, но составляющих лучшее из всего того, что в мире можно распознать, король в своем государстве».

Все глубже и самостоятельнее становилась мысль молодого Энгельса. Многообразие его интересов, многообразие стремлением постичь истину, понять окружающее как можно глубже, познать настоящий смысл жизни человеческого бытия.

Со всем пылом юности начал Фридрих Энгельс читать литературу «Молодой Германии» — группы, «одна из наиболее выдающихся групп романтиков поэтов и писателей страны».

Его привлекали взгляды этих литераторов, проповедников новых идей французской революции, революционных выступлений против прусского государственного строя, ненавистного Энгельсу. Он писал: «К этим идеям относятся, прежде всего, учение Карла Ланге о нравственности и уважении к конституции; далее, освобождение евреев, уничтожение всякого религиозного принуждения, всякой цензуры, аристократии и т. д. Это может быть названо идеями «1789»».

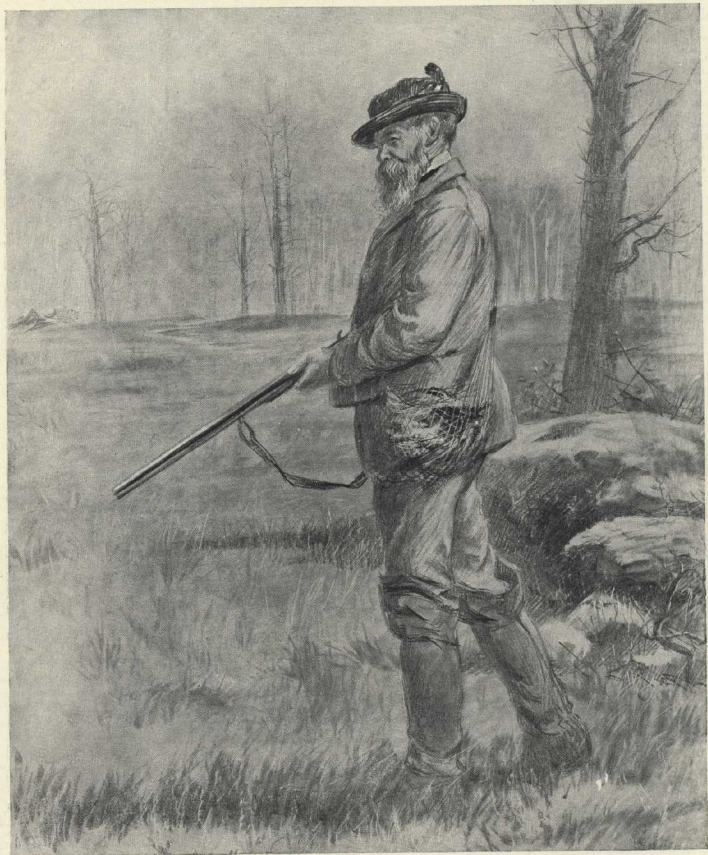
Но уже тогда Фридрих Энгельс требовал значительно большего, его влекло к действию, он стремился воплотить эти революционно-демократические идеи в жизнь.

О своих вальсчик Фридрих Энгельс писал: «Я должен стать мальгогерцем, или, скорее, я уж так люблю лушу и телом. Но поман и не могу спать от всех этих идей века... Меня охватывает дух свободы: каждый раз, когда я заглядываю в какой-нибудь журнал, я думаю за пределами свободы; они прокрадываются в мои томы и издают меня обскурнаты в клубы и горнисте. Но от их риторики, «мирного» скония от всемирно-исторического «сбори» и глупости и т. д. я держусь в стороне, ибо теперь она уже устарела».

«Риторика» и мировая ссорба были совершенно чужды натуре молодого Энгельса — boldого, смелого, не умеющего останавливаться ни перед какими трудностями, вышедшего подобно Марксу с мыслями о борьбе с угнетением. Его главным поэтом становится Шелли, стихи которого Энгельс переводил с английского на немецкий язык. Стихи Шелли смеял, добиваясь, чтобы они звучали в борьбе. Со страстью и рвением горюит поэт о судьбе богатых и бедных:

«Ты сеял хлеб — другой жосил;  
Ты ткали ткача — другой носил;  
Ты клал напла — другой богот;  
Ты мечи свои в — другим о виле».

В Бремене цензура свирепствовала не так жестоко, как в Вармене, здесь несравненно легче было достать оппозиционные книги и брошюры. Фридрих Энгельс не только сам зачитывал запрещенной литературы, но и снабжал ею своих друзей.



Художник Н. Жуков сделал для нашего журнала рисунок «Энгельс на охоте».

Охота доставляла Энгельсу большое удовольствие. Современники вспоминали, что Фридрих Энгельс был метким стрелком, замечательным спортсменом. Он любил бродить по лесам и полям в поисках зверя, бесстрашно сажал на лошади.

Любил Энгельс и дальние пешеходные путешествия. Однажды он прошел пешком из Парижа в Швейцарию. Уже на склоне лет Энгельс побывал в Норвегии и долго ходил там по горам.

Под влиянием этих книг разум освободается от окскавивающих его цепей. И первая цель, которую сбрасывает с себя Энгельс, — это освобождение философии.

Детская, протестующая вера в бога была побеждена зрелым гуманизмом европейских странствий, увидевших еще в долине Вульпарга, которую Энгельс называет «Вульпаргалом», 7. 6. книга доминирует. Несмотря на то, что Энгельс был не совсем последователен, партия на земле, опирающаяся на утверждение христианства о мудрости и благодати божьей.

В поисках истины Фридрих Энгельс внимательно читается в Библию и другие «божественные» книги. Его пылкий ум вскоре находит противоречия в самом тексте.

Вера в «священные писания» идет праком. Христианское учение не выдерживает критики разума — оно опровергается дважды: логикой и практической жизнью.

«И тебе скажу только, что теперь и готов считать божественным лишь то учение, которое может выдержать критику разума. Кто дает нам право сказать Вайди? — писал он другу.

«... Мне кажется чудовищной иронией... утверждать это в другом письме — когда говорит об освобождении философии от христианства как о реалии любви. Согласно этому вашему христианству, девять десятых человечества обречены на вечную муку и только одной десятой суждено быть счастливой. И вот это Фриц должно называться бесконечной любовью божья?»

Именно в это время — в период неустанных исследований — молодой Энгельс прочел книгу Штрауса «Жизни Иисуса».

Штраус первым подошел к евангелию с исторической точки зрения, рассмотрев его как продукт определенной эпохи. Все, о чем рассказывали в религиозных книгах, — по утверждению Штрауса, миф, создание человеческой фантазии.

«Жизни Иисуса» привнесла на молодого Энгельса неслыханное впечатление. Под влиянием этой книги вера в бога Энгельса «окскавивается такой же прорывной, как гусь».

Самостоятельно Штраусом являлся для Энгельса знаменитый, логически приведенный его к философскому постижению мира, к изучению Гегеля. Как освобожденный из лапна войны, бросился он на штурм высот, которые были достигнуты в то время человеческим разумом. «Благодаря Штраусу я, — пишет Энгельс, — нахожусь теперь на прямом пути к гегельзму... штурмую «Философию истории» Гегеля — колоссальное произведение; каждый вечер я систематически читаю ее, и титанические массы ее стигают и вызывают меня».

Так близки и родственны Энгельсу философия Гегеля, так внутренне подготовлены он к ней, — настолько кажется ему «участником его духа».

Энгельс сумел взять и усвоить у Гегеля самое ценное — учение о том, что жизнь и все ее явления не есть нечто неизменное, остановившееся, а находятся в непрерывном движении... короче, внимание Энгельса привлекала диалектика Гегеля, учение о диалектическом развитии мира. Но даже и в том, что Энгельс относится к гегельской философии критически, отвергая ее реакционные выводы.

У Гегеля, писал позднее Энгельс, «принцип всегда носит печать неопределенности и свободомыслия, выводы же... нередко умеренны, даже консервативны».

«Жизнь тогда, в юности, скланивается особенно вышняя и духовная сила души Энгельса. В какие бы глубины философия ни проникала его мысль, душой он всегда на земле, с людьми, в нестрой, в бурную жизнь Парижа. И тогда Энгельс, как и раньше, в те годы Энгельс относится к гегельской философии критически, отвергая ее реакционные выводы.

взгляды Энгельса. Призывом к борьбе, к делу, звучат строки из его статьи «Религия Зигфрида»: «нам бесконечно противна... философия, философия, философия... страх перед нашим делом, мы хотим вырваться на простор свободного мира, мы хотим захватить о багровую историю и бороться... в своей жизни — поднимать».

Тандемом научных истин открывает Энгельс глаза на истинное, политическое его взгляды принимает все более явную революционную окраску. Он ищет не как короля, королю, который в 1815 году, в «минутой страха» обещал своим подданным конституцию, а теперь этот свей «яркой, парниш, прокладкой» обману.

Без большой ненависти проинтерпретирует юшо-бушутар к монархии, удающейся все живое и подлинно человеческое. «Я жду чужие королю, только от того государя, вокруг головы которого сияет пощенины его народа и во дворе которого революция выбиты стекла», — восклицает он.

\*\*\*

С каждым днем Фридрих Энгельсу становится очевиднее, что трудно совмещать торговлю с углубленными и систематическими занятиями. Отец упорно противился дальнейшему сыву в университет. Военная служба в культурном центре Пруссии — Берлине — кажется Фридриху самым выходом из положения. Осенью 1841 года он покидает родные края и летит в Берлин.

Молодой философ становится военно-определяющимся пехоты-артиллерийского полка, с интересом изучает военное дело. Карьера расплывалась пожелания от университета, где читает лекции лучшие профессора страны. Свободное от военной службы время Энгельс проводит в изучении университетского курса.

В Германии это было время жестокой идейной борьбы. Начиная с середины 30-х годов прошлого столетия последователи Гегеля разделились на правых и левых. Левые гегельянцы оставались реакционные стороны гегельской философии, защищали прусскую крепостническую монархию. Левые, опираясь на диалектику гегельянцев, выдвигали революционные идеи борьбы с существовавшим строем и религией. «Все основные принципы христианства, мало того... все, что вообще до сих пор называлось религией, было повергнуто в прах гегельянцами», — говорил Энгельс. Он обжаловал с кружком малогегельянцев «сборник» последователей Гегеля, сделавших из его философии наиболее революционные выводы.

В этом кружке состояли братья Бауэры в Мюнхен Гесс. От них Энгельс впервые услышал о пламенном воине Карла Маркса, незадолго до приезда Энгельса покинувшего прусскую столицу.

Широкое распространение революционных идей левых гегельянцев усугубило прусское правительство. Для борьбы с этими идеями из Мюнхена в Берлин был приглашен прегегельянцев философ Шеллинг, философского систему Шеллинга правящие круги хотели использовать, по меткому выражению Энгельса, «как нужд прусского короля».

«Мистер Шеллинг» — выступавший против жизни Гегеля! Реакционное учение об откровении взамен жизни, движущейся гегельской диалектикой! Энгельс был возмущен и с удовлетворением такого страшного поворота.

«Мы не боимся борьбы», — говорит он. Он уверен в победе, ведь «все, что добирается до нас, является сущностью, а не отнем». И вот молодой человек, на изобретение специального философского образования, берет на себя смелость выступить против безусловного ослепления великого философа.

Атеист и сторонник подлинной науки, Энгельс со всей силой обрушивается на Шеллинга, который пытается «применить

реально с наукой». Свой памфлет «Шеллинг и откровение» он завершает богохульными строками:

«Будем бороться и проливать свою кровь, будем беспрестанно смотреть врану в его гнилые дыры, и скажем до последнего издыхания. Разве вы не видите, как знамена ниши развеваются на верхних гор? Они свирепят мечи товарищей, как истребитель дымов выхватит! Со всех сторон надвигаются их рать, они спешат к нам из долины, они спускаются с гор — крик звуков лесен и музыки. День великого решительного дела близок! Мы приближаемся, и победа будет за нами!»

После окончания военной службы, осенью 1842 года, Энгельс покинул Берлин и встал отца уехал в Англию, в промышленный центр Манчестера, где продолжал заниматься торговыми делами в бумагопрядильные фирмы «Эрмен и Энгельс».

Дек. проведенные в Англию, были для Энгельса решающими для формирования его политических и философских взглядов. Со страстью ученого изучает он быт Англии, ее историю, знакомится с промышленностью, с условиями жизни рабочих, с политикой, читается в документы, говорящие об условиях жизни и труда пролетариата в стране, где резвит капиталистический способ производства. Здесь Энгельс впервые начинает понимать, какую огромную роль в жизни человека играют экономические факторы. Он спешит восполнить пробелы своих знаний: погружается в книги по политэкономии. Книжные истины он проверяет жизненным наблюдением. Недаром его замечательный труд назывался Лениным одним из лучших произведений в мировой социалистической литературе — «Положение рабочего класса в Англии». Энгельс, анализируя условия жизни рабочих, обращенными к английским рабочим.

«Я хотел, — пишет Энгельс, — видеть вас в ваших собственных домах, наблюдать нас в нашей повседневной жизни, беседовать с вами о вашем положении в ваших условиях жизни. Я хотел бы увидеть борьбу с социальной и политической властью ваших угнетателей. Я так и сделал. Я оставил общество, обемы, порты и шампанское срединых классов и посвятил часа досуга почти исключительно спонсациям с настоящими рабочими».

То, что смутно ощущалось Энгельсом прежде, изучая теперь более основательно. В Англию он начал осознавать роль растущего пролетариата, как носителя будущего.

В Англию Фридрих Энгельс стал коммунистом.

Ленин писал: «И до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помощи им, но еще не было ни одного пролетариата не в одной из страданий классов, что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, безусловно, пожелает его видеть и заставляет бороться за свое освобождение. А борющийся пролетариат сам поможет себе».

Спусти два года Энгельс покинул Англию и вернулся к себе на родину. Но дорога он зашел в Париж, где познакомился с Марком, которого он знал лично и с которым вел горячую переписку. Маркс и Энгельс прожили вместе десять дней. В разных условиях росла и воспитывался Маркс и Энгельс, в разных условиях формировалось их мировоззрение, но разные пути привели их к одному неизбежному выводу: оба они прекркли в пролетариату силу, способную свергнуть господство буржуазии и создать новую, социалистический строй.

«Эта дружба, — писал Энгельс, — началась в Париже в сентябре 1844 года, между Марксом и Энгельсом закрепились дружба, которая соотствующая им всю жизнь».



# Как ориентироваться на местности

Майор В. ДЕРМАН

Представьте себе, что вы очутились в незнакомой местности. Во время войны в такое положение нередко попадают отдельные бойцы, подразделения и части. Чаше других с незнакомой местностью приходится встречаться тому, кто первым движется в сторону противника, — разведчику. Пусть его, как правило, проходит целиной, через лес, кустарник.



Рис. 1.

Естественно, что, попав в незнакомое место, вы прежде всего задаете себе вопрос: где я нахожусь? Да это и понятно. Ведь вы должны решить, куда, в какую сторону нужно двигаться дальше, чтобы достигнуть намеченного пункта. Вот для этого и надо, как принято говорить военным языком, ориентироваться.

Ориентироваться на местности — это значит определить, где мы находимся, узнать, что окружает нас, где стороны горизонта: юг, север, восток и запад. Тут нужны знания, опыт, смекалка.

Сначала расскажем, как ориентироваться с помощью компаса.

Компас устроен так, что, как бы мы его ни держали, магнитная стрелка всегда своим концом будет показывать север, а другим — юг.

Иногда люди, которые первый раз пользуются компасом, путают, какая стрелка показы-

вает север и какая — юг. Для того чтобы устранить эту ошибку, принято один конец стрелки, обращенной к северу, окрещивать в темносиний цвет, или воронить.

Особой разъем, вы заметите, что стрелка компаса начинает резко колебаться на своей оси. Смущаться этим не следует: через несколько секунд она успокоится, займет такое положение, о котором мы говорили, т. е. один конец (темносиний) покажет на север, а другой — на юг. Теперь остается осторожным вращением компаса совместить надписи «С» и «Ю» с показанием стрелки, и задача ориентирования решена. Вырвав от стрелки под прямым углом деление восток, а в противоположную сторону, запад, — запад.

Компас — нежный, чувствительный прибор. Если рядом с ним находятся металлические предметы (оружие, рельсы железной дороги и пр.), то стрелка отклоняется от правильного направления. Это обстоятельство надо всегда учитывать.

Ночью обычно пользуются компасом, имеющим светящиеся части. Это очень удобно: не приходится зажигать спичку или фонарь, которые могли бы вызвать наше присутствие противнику.

Цифры, которые расположены по окружности компаса, обозначают деления на градусы. Предположим, если вы движетесь в направлении между севером и востоком, причем линия движения находится ближе к востоку чем к северу. Как же определить эту долю? Двигаться не на север а на восток, а значит восток 90°. Это несложно. Если же мы скажем угол 60 градусов, то это будет точно, коротко и понятно. На некоторых компасах лимб имеет угловые деления, счет которых идет в обратном направлении по отношению к часовой стрелке.

Но не всегда у вас под рукой будет компас. Как быть в таком случае? Тут на помощь придут солнце, часы, всевозможные предметы.

Как известно, в 12 часов дня солнце находится на юге. Тень от предметов в это время будет падать на север (рисунок 1). Таким образом, направление тени как бы заменит указание стрелки компаса. В 6 часов утра солнце приблизительно находится на востоке и направление тени указывает на запад. В 18 часов, наоборот, тень будет падать приблизительно на восток.

Ориентироваться по часам можно только в том случае, если вы знаете часы. Чтобы определить стороны горизонта, поступаем так: вращая корпус часов, направляем часовую стрелку на солнце. Положение часов должно соответствовать направлению тени. Тогда часовая стрелка по отношению к горизонту земли. После этого угол между часовой стрелкой и направлением на цифру 12 шиферблата часов делим пополам. Направление линии одним скрепкой конком укажет север, а другим — юг. На рисунках 2 и 3 видно, что до 12 часов дня нужно делить угол на шиферблате левее цифры 12, а после полудня — правее, т. е. на правой половине шиферблата.

Ночью можно ориентироваться по звездам. Для этого среди множества других звезд нужно отыскать Полярную звезду, указывающую направление на север.

Но прежде чем отыскать Полярную звезду, надо найти созвездия, которые более ярко выделяются на фоне неба. Такими созвездиями, ближе других расположенными к Полярной звезде, являются Большая и Малая медведицы. Посмотрите на рисунок 4. Здесь видно, что если мысленно провести прямую линию, соединяющую две последние звезды («а» и



Рис. 4.

«б») в созвездии Большой медведицы, то Полярная звезда находится на расстоянии в 5 раз большем чем расстояние между звездами «а» и «б». Отыскав с помощью Полярной звезды север, нетрудно найти и другие стороны горизонта. Воспользуйтесь первой звездой ночью и проверьте на практике свое умение быстро отыскать Полярную звезду. Чем вы быстрее и точнее определите стороны горизонта, тем скорее и лучше вы сможете ориентироваться ночью на местности в боевой обстановке.

Теперь, если бы вы очутились в незнакомой местности, кажется, ничто не заставило бы вас растеряться. С успехом могли бы воспользоваться компасом, а при отсутствии его — часами, солнцем, Полярной звездой. Без труда отыскали бы стороны горизонта и нашли бы по направлению, по которому надо двигаться. Кажется, все обстоит благополучно. Однако это не так. Положение может оказаться гораздо сложнее. Возьмем, к примеру, такой случай, когда компас в часовой ленте, облада густой пеленой закрыли солнце или Полярную звезду, если дыме происходит ночью. Как поступить в этом случае?

Тут уж придется определять стороны горизонта по местным предметам. В лесу можно помочь подсказать пни от спиленных деревьев. Внимательно взгляните в поверхность спеленного пня, вы заметите, что на одной стороне слов древесных тоньше и плотнее чем на другой (рисунок 5).

Причиной этого влияние солнца на дерево. Толстые и резко расположенные слои показывают, что с этой стороны солнце более энергично прижигало дерево. Значит, юг с той стороны, где слои пня толще.

Определить стороны горизонта можно также с помощью других предметов. Например, деревья, скалы, большие камни с северной стороны, т. е. с той, где не бывает солнца, покрыты мохом. Ветки на некоторых деревьях располагаются обычно гуще с южной стороны.

Приметный взгляд может угадать стороны горизонта и по снегу. Зимой большая часть снег наливает к зданиям и деревьям с северной стороны, а весной тает быстрее на южных склках.

Пользуясь всеми этими приметами, не надо упускать из виду, что в отдельных случаях возможны некоторые отклонения, следовательно, нетрудно допустить ошибку в определении сторон горизонта. Поэтому нельзя полагаться слобзанию и ориентироваться только по первому попавшемуся признаку. Лучше лишний раз проверить, убедиться на несколь-

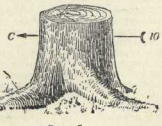


Рис. 5.

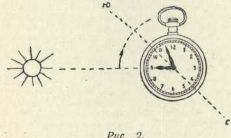


Рис. 2.

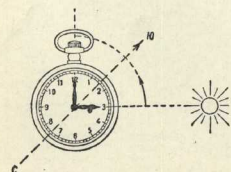


Рис. 3.

ких предметах, чтобы не сделать лишнего, объективного вывода.

Нарядный командир оборонной школы Советского Союза С. К. Тимошенко не раз подчеркивал необходимость изучать местность. «Каждый боец и каждое подразделение», — сказал маршалский командир, — должен иметь тактические знания 70-й стрелковой дивизии Ленинградского военного округа, — должны хорошо ориентироваться на местности, звать свою задачу, быстро находить и использовать ее решение того или иного пункта, уметь маневрировать». Насколько это важно, видно из следующего примера.

Во время боя с белфинскими разведчиками Игнатьев пробрался в глубь расположения врага. Были добыты ценные сведения о расположении огневых точек, о месте артиллерийской батареи. Обо всем этом надо было как можно скорее передать своему командиру. Но как туда пробраться? Густая лесная чаща безвольно смыкала свои ветки над храбрим разведчиком. Все было чужим и незнакомым. Игнатьев знал, что при выполнении своей задачи он идет на запад. Значит, чтобы вырваться вперед к своим, надо двигаться на восток. Была глубокая ночь. Игнатьев перубил в своей памяти все известные ему способы ориентирования, отыскав наиболее подходящий для данного случая.

Тишью сматривался он в небо: густые облака плыли над лесом. Только иногда, в разрыве туч, на несколько секунд показывались одна — две звезды и снова исчезали. Определить направление по звездам было невозможно. Вскоре Игнатьев вышел к небольшой поляне в лесу, где деревья стояли поодаль друг от друга. Он подошел сначала к одному дереву, потом — к другому, посмотрел, в какую сторону больше всего растут ветки, и таким образом определил юг, а затем юго-восток. Осталось теперь выразить это направление в движении к своим. Пройдя тучу деревьев, он подошел еще не раз останавливаться, проверить, не отклонился ли в сторону, но эта работа даром не пропала. Бесовую задачу разведчик выполнял, не чувствуя ни легкой усталости, ни противника были достаточно командир.

Умение ориентироваться на местности — важное качество бойца и командира. Навски в этом деле не раз выручали из беды и во многих содействовали обмену уловами целых войсковых частей. Да это так важно. Ведь в таком положении, как Игнатьев, могут оказаться взвод, рота и более крупные войсковые единицы.

Потери направления в бою обходятся очень дорого, поэтому-то и нужно в условиях мирного времени хорошо изучить правила ориентирования.

На одном из занятий в Сибири был такой случай. Красноармейцу Озерову дали пакет с донесением. Содержание бумаг было очень важным. Там приводилось только что полученные сведения о передвижении вражеских подразделений по положению своего подразделения. От быстрой передачи этого донесения зависело многое.

Умение происходило на равнине. Красноармеец Озеров отрывался в путь в конце дня, когда над безбрежной степью стали густеть сумерки. Вначале ориентиров он служился везением. Но по мере того исчезала и она.

Чем дальше шел боец, тем больше сомневался в правильности пути. Пройшел час, два, много уже было искошено километров, а ничего не предвещало близости цели. Звезды были уже совсем все небо. Но, к сожалению, Озеров не мог ориентироваться по звездам. Когда бойцы его взвода изучали этот способ ориентирования, Озеров был не в состоянии занятия, а сегодня не доложила об этом командиру, предлагая выполнить задачу авось.

Путь оказался трудней, чем рассчитывал боец. Всю ночь проходил Озеров и только на следующий день случайно нашел соседнюю часть. Пакет был доставлен по назначению, хотя близость и не была верно угадана. Занятия давно закончились, бойцы возвращались в лагерь. Случай с Озеровым послужил для всех хорошим уроком.

Лео КАСИЛЬ

## О «КНИГЕ ДЛЯ БОЛЬШЕВИКОВ»

Если нужно еще раз повторить уже известную и мало доступную для нашей литературы историю о том, что на спортивном тему у нас пишут плохо и мало, то я готов повторить ее: да, плохо, бедно и убого, но зато обрывается, зато шире и интереснее, зато более содержательна и телесной мощи, к теме спорта и физической культуры... И потому с чувством большой признательности автору за историю и так талантливо решенную тему заканчиваешь читать «Книгу для большевиков» писателя Рахтанова 1.

В своем коротком обращении к читателю, предисловии к книге, Рахтанов предупреждает, что он не собирался говорить о всех видах спорта. Он написал только о самых разных — спортивных и некоторых из них дал вымышленные имена, другие оставил подлинными. И действительно, в книге Рахтанова все время чувствуется дружеская близость автора к его героям — юным, товарищеская заинтересованность в победе их, откровенное пристрастие писателя или явная неприязнь его к тем или иным чемпионам.

Это внутреннее участие автора ощущается во всей книге. Рахтанов пишет внешне как будто сухоутою манеру писателя и поэтому просит Рахтанову некоторые несправедливо придраться вотки, которые он пишет о «спортивном сюжете». Здесь сквозит страсть «большевизма», ярого приверженца обложного имени чемпиона. Таким образом, «Книга для большевиков» написана «большевизмом», который верен своим принципам, «большевизмом» о них как предвещаний секунданта. И там, где автор, ничего не вымыслив, оставляет своих персонажей их подлинных, часто знакомых всей стране имен, он сам оставляет заметные победы. Такие рассказы, как «Ватерфляй» (о знаменитом советском пловце Бойченко), «Бровые перчатки Никиты Кошелева», «Братья-сплохоходы» (о братьях Знаменских), «Молодой Анкалов» (о Путиловском — чемпионе СССР и беге на длинные дистанции) и другие, представляют собой превосходно написанные, построенные на увлекательном сюжете рассказы о выдающихся мастерах советского спорта — выдающихся «портретах» в движении.

Прежде всего это настоящая литература, а не подделка под беллетристику. В каждом из перечисленных выше рассказов есть своя тема, ведущая авторская мысль, белое но четко вырисованные человеческие характеры. Мир молодых сильных людей, умеющих яростно желать победы и добиваться ее, мир рыцарской, бескорыстной дружбы и отеческого упорства при достижении цели, мир молодости, знающей свое место под солнцем, непопулярный, самоотверженный и аскетичный, раскрывается в этих рассказах Рахтанова.

Внимательно приглядываясь к особенностям того или иного вида спорта, Рахтанов вводит читателя в тайны труднейших спортивных специальностей, образно и точ-

но рассказывает о тех элементах, из которых складывается мастерство пловца, бегуна, боксера. Не просто упоминание акробатки, а люди, мышцами которых искусство управляет пылным ум исследователя, интеллект мастера, — таковы герои Рахтанова. Преодолевают трудности, toughness чужой силы и собранной воли, победа над своим слабостями (а вместе с тем и над «спортсменом») — вот одна из основных тем книги Рахтанова. Она не только обводит отдельные рассказы, но и в каждом на них служит центральным, опорным стержнем во всей композиции вещи.

Фраза у Рахтанова сжатая, энергичная, хорошо выверенная, она отлично передает напряженный тон составлений, азарт борьбы, растолкование движений и мучительное извещенье игры. Как наглядно показали, например, стиль «ватерфляй» Бойченко: «Схватил стартер. И тут же выскочил вода и началось подводная работа ног и рук. А еще через мгновение она перешла в полет, полет бабочки. Бассейн и ночное небо не существовало больше. Стоял полет под сцеплением чешуи. Гигантская летела по ней бабочка».

Кто видел хотя бы раз в жизни, как плывут «ватерфляем», эти сверхкороткие подлинным стилем, тот сумеет оценить меткость описания: «Вой она оцепит подводная над поверхностью воды и опять его захватит нарастающая инерция движения, время забилось в нем, руки выбрасывались из воды. Ватерфляй, вдохновенный ватерфляй! Сто, сто, пятнадцать, двести, двести тридцать, триста метров ватерфляем».

К числу удач Рахтанова относится и рассказ «Снар «Стрел» — птица стрелы, полетной скорости и спортивного духа. У героя его вымышленные имена, но рассказы повстанцев автором чемпионом СССР по гребле, и мы знаем право припомнить имена подлинных.

Наиболее слабыми в этой книге оказались все же рассказы с вымышленными именами и придуманными персонажами. В рассказе «В Парк, Паль-де-Сор» ситуация кажется надуманной, а разрешение — при сегментном развитии — неинтересно, как звучит не совсем правдоподобно. Интересно, что удачливости сюжета тотчас отражается и на стиле, на языке вещи. «В гудках его теперь нечаянно поугады, готовые вот-вот проснуться. Уж вернее было бы сказать «карманы», но и это — да еще «глотком», проснуться — не совсем уместно в применении к человеку и кожному, кожному удару, поперечному удару в обморок. «Тяжелый вес — милла и острому шуму, о которой надо было бы рассказать порок и месек серьезно».

Но это лишь отдельные страницы в увлекательной и своеобразной книге Рахтанова скромно и я тропичке адресовал ее «большевикам». Однако книжку эту прочтут с удовольствием и пользой для себя все, кто любит хорошо жить под веселым, легким фигурами атлетов на беговой дорожке, высокое солнце над стальным, надежным сердцем, аэскалу, упорство и страсть.

Но книжка выпущена тиражом всего-навсего в 10 тысяч. Если бы книгу Рахтанова продавали в Москве на складе «Днища» в день большого марта, всего тиража ее не хватало бы даже на половину северной тирбуны.

1 И. Рахтанов «Книга для большевиков», «Отечественный писатель», 1940, 203 стр., 4 р. 80 к.

# СОВРЕМЕННАЯ АЛХИМИЯ



Алхимический знак «Двама, изображающий двойной союз».

ШИБАЕТСЯ тот, кто считает всех средневековых алхимиков шарлатанами.

Не только вышка наклонила голову, как и всегда, работать в своих лабораториях. Они и сами не понимали, как велика задача, стоящая перед ними. Алхимики стремились научиться получать из неблагородных металлов золото. В процессе на шаг вперед заходили, превращая один элемент в другой. Но алхимики стояли на ложном пути. Им казалось, что достаточно найти особую чудодейственную «эфирозоль» или «камень» — превратить его к любому неблагородному металлу — и получится золото. Многие алхимики заявляли, что они нашли секрет «эфирозольного камня», но при проверке всегда оказывалось, что они либо опиялись, либо сознательно обманывали людей.

Сейчас мы знаем, что задача превращения элементов в действительности невероятно труднее, чем это казалось в средние века. Она и не могла быть решена средствами средневековой науки. Но работа алхимиков не пропала даром: из их опытов, из наблюдений, накопившихся в алхимических лабораториях, родился современная химия со всеми ее бесчисленными практическими приложениями.

Алхимикам оказалось не под силу получить хотя бы ничтожную крупицу золота из свинца или ртути. Но современный физик с карандашом в руках докажет вам, что в этом нет ничего невозможного. Теперь, когда мы глубоко проникли в строение вещества, поняли природу атома, изучили его строение и все возможные средства для его изменения, можно говорить об искусственном превращении элементов друг в друга без помощи «эфирозольного камня».

Только стоит ли тратить силы на переделку свинца в золото, если наука о строении атома раскрыла перед человечеством двери, гораздо более захватывающие перспективы? Из атома можно получить нечто бесценно более ценное, чем золото: из атома можно получить энергию.

Все окружающее нас вещества состоит из мельчайших частей — молекул, а свою очередь молекулы из нескольких атомов. Размеры атомов ничтожно малы. Диаметр их не превышает нескольких десятичных долей миллиметра. Тем не менее каждый атом представляет собой сложную систему, состоящую из центрального ядра, заряженного положительным электричеством, вокруг которого по определенным законам движется мельчайшие заряды отрицательного электричества — электроны. Радиус ядра еще в десятки тысяч раз меньше радиуса самого атома.

Число электронов в различных атомах различно. Наиболее сложными атомами является тяжелое вещество урана: в нем 92 электрона; наиболее простым — атом водорода: в атом атоме имеется всего 1 электрон.

От атома можно оторвать один или несколько электронов. Это не очень трудно. Мы умеем даже добывать в атомные литейные электроды, «сверк комплекта». Однако это не приводит к существенному изменению природы атома. Даже если мы лишим атом водорода всех его 8 электронов, то кислород все-таки останется кислородом.

Табля устойчивости элементов, оказывается, не в электронах, составляющих внешнюю оболочку атома. Чтобы изменить природу атома, необходимо научиться разрушать ядро атома. Вот та проблема, к которой свелась старая задача алхимиков.

Первый успех в этом направлении был достигнут на рубеже XX века. Абри Беккерель

открыл так называемое явление радиоактивности. Оказалось, что атомы некоторых «тяжелых» элементов: урана, тория, радия и т. д. — самопроизвольно испускают заряженные атомы легкого газа гелия; некоторые другие элементы испускают электроны. А потом выяснилось, что эти частыми вылетают именно из ядер атомов и при этом происходит превращение элементов. Атом урана в результате целой цепи последовательных радиоактивных распадов превращается в атом свинца и 8 атомов гелия.

Итак, впервые было доказано, что элементы действительно могут превращаться один в другой.

Как будто мало радости в том, что драгоценный уран превращается в углей, дровяной свинец. Но природа щедро вознаградила нас за эту потерю! Оказалось, что радиоактивные вещества при своем распаде непрерывно выделяют энергию. 1 грамму радия выделяется в час такое количество энергии, которое способно нагреть от 0° до кипения 1,5 грамма воды. На первый взгляд, кажется, немного. Но если использовать всю энергию, выделяемую этим граммом радия и продуктами его распада, можно вскипятить 30 тысяч литров воды!

Горные головы скажут: «Задача решена! Броум шепотку радия в паровой котел, и вода у нас закипит без всякого угля...» Не так-то просто это делается в природе. Очень медленно идет распад радия. Чтобы получить



Рисунок из средневековой книги алхимии на берегу моря размышляет о вечных двигателях летучего вещества из пылевого ядра в вертикаль...

с колоссальной скоростью. В современных лабораториях можно создавать электрические поля в миллион вольт и десятки тысяч километров в секунду. Напомним, что длина волны экватора — около 40 тысяч километров...

За последние годы физикам удалось разработать несколько типов мощных установок, помощью которых можно получить весьма интенсивные пучки движущихся заряженных частиц. Направляя эти пучки частиц на мишень из различных веществ, можно вызвать расщепление ядер атомов почти всех элементов.

Очень интересными оказались опыты с адронами атома лития. Частица, которой в него встроились, несла определенное количество энергии. А атом лития, развалившись от этого удара, выделял энергии во много раз больше! Это можно сравнить с действием маленькой ружейной пули, попавшей в пороховую порох.

Опыт, горячая головка готова была воскликнуть: «Ура! Задача охлаждения внутренней энергии решена!» Не тут-то было! Дело в том, что из нескольких десятков миллионов бомбардирующих частиц только одна так ударит в цель. Конечно, это лишь ничтожное число ядер улетает разрушить. Принципиально задача искусственного преобразования элементов решена, только количество преобразованного вещества получается столь малым, что никакого практического значения эти опыты не имеют.

Но опускать руки еще рано. Неудача для ученого — только толчок к продолжению поисков.

В 1933 году при расщеплении ядра легкого металла бериллия были найдены новые, ранее неизвестные частицы — нейтроны. Они не обладают электрическим зарядом. Благодаря этому нейтроны легко проникают внутрь атомов и вызывают их разрушение и перестройку.

Однако и это открытие еще не давало никаких практических перспектив. Дело в том, что для получения самих нейтронов необходимо разрушить ядро кака-нибудь элемента, бомбардируя их заряженными частицами. А это, как мы уже видели, приводит к слишком большому потерям энергии. Нейтроны не оправдывают затрат.

Поэтому еще несколько лет тому назад положение вопроса о внутренней энергии можно было охарактеризовать следующим образом: физикам удалось доказать, что в ядрах атомов всех элементов сосредоточены громадные количества энергии, но из-за того, что часть этой энергии может быть выделена при разрушении некоторых ядер. Но как воспользоваться к ее использованию, оставалось неизвестным.

Несколько физикам казалось даже, что использование внутренней энергии является безнадежно трудной задачей.

## 9. Резерфорд.

от кусочка радия хотя бы половину заключенной в нем энергии, пришлось бы ждать... 1600 лет!

В науке каждое открытие ставит исследователя перед новыми задачами. Мы узнали, что атомное ядро можно расщеплять и освобождать при этом огромные запасы энергии, сосредоточенной в нем. Теперь надо научиться ускорять эти процессы, искусственно вызывать ядро атома.

Только так этот разрушительный снаряд, который можно «нацелить» в атомное ядро? Отец «современной алхимии», знаменитый английский физик Э. Резерфорд в 1919 году придумал бомбардировку атома азота быстро движущимися заряженными атомами гелия. Оказалось, что атомы азота действительно могут быть разрушены. Это было одним из величайших открытий современности. Мысль Резерфорда быстро стала совершенствоваться.

Весьма удобными снарядами для разрушения ядер оказались протоны, то есть ядра атомов водорода. Ядро водорода, находясь в сильном электрическом поле, начинает двигаться





Недавно скульптор-монументалист Иван Дмитриевич Шадр закончил в модели памятник Пушкину. Замысел Шадра прост и глубок. На плечи поэта накинута тяжелая шуба-крылатка. Она оковывает Пушкина, как тяжелая кора, душит его, тянет к земле. Но творческий дух, который живет не в словах сложенных, поможет поэту освободиться из мертвящих объятий. Отделяются его руки, осяем вдохновенно озаарено лицо. Рождаются строки, как бы обращенные к нашей земле:

«Говорят, вера: выводит она,  
Всегда пленительного счастья,  
Россия впервые ото сна,  
И на обломках самовластия  
Нашиступ наша земля!»

Памятник А. С. Пушкинову будет воздвигнут в Ленинграде, на площади Ласалли.

Совсем иной характер носит изображение другого великого мастера слова — А. М. Горького. Памятник ему будет помещен в Москве, между зданием Манежа и гостиницей «Москва».

Пьедестал этого памятника — скала, утес, глыба, вырывающаяся из недр земли на поверхность и как бы возносящая на своем гробовом фигуре писателя, вышедшего из гулий народной. Горький стоит в свободной, свободной позе. Лицо его — лицо зоркого мыслителя и борца, полно сквозной сосредоточенности и в то же



И. Д. Шадр за работой над памятником знаменитому цирковому артисту Владимиру Дурову.

времене открыто всему миру. Если изображение Пушкина как бы символизирует непрекращающуюся борьбу творческого духа с гнетущей действительностью, то Горький — это победитель, трудным, но радостным путем достигший вершин, которых только может достигнуть человек.

Вокруг скалы, увенчанной изваянием, вместо обычных респект ливает гигантский каменный венок из плодов и цветов, которыми так богата наша земля. Этот венок, перешитый лентами с выданными на полях всех союзных республик, — дар народов любимому писателю.

У начала улицы Горького, вешающиеся от памятника, будут работы два небольших сквера с ирисовыми скамьями, откуда зрители смогут спокойно созерцать статую, обращенную к улице Горького, по которой в преддверные дни идут колонны демонстрантов.

Обе работы Шадра овеяны дыханием нового, социалистического города. Философское противопоставление в существе социального образа сочетается у этого скульптора с мощью и пылкостью замысла, присущей искусству наших дней.

Сейчас Иван Дмитриевич Шадр задумал памятник великому композитору Чайковскому, который будет воздвигнут в Москве, против здания Консерватории.

# ВЕЛИКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ



Никто на свете найдется людей, которые не слышали его имени. Но многие ли знают, какие он совершил подвиги? Почему потомки часто именуют его Александром Великим?

Жизнь Александра и дело его жизни — один из самых поразительных страниц древней истории. И это не только потому, что он был завоевателем и удача сопутствовала его войскам. Сколько удачливых завоевателей древности забыто — и по заслугам! Кто, кроме спецнальцев, знает вой ассиринца Саргона II, или египтянина Тутмоса III, или подобных им полководцев?

Почему об Александре Македонском живет века потому, что во всех областях своей деятельности он сумел сказать новое слово. Он поднял на новую историческую ступень стратегию и тактику, тактику и технику войны. Его походы положили начало новому периоду в политическую и культурную жизни древнего мира.

Об Александре написано множество книг, и большинство из них — романы. Еще при жизни Александра современники стали создавать о нем легенды. Тогда казалось, что только с помощью быка человек может одерживать такие несмелые победы.

И сам Александр, очень тонко понимавший слабые стороны людей, постарался, чтобы эти легенды не заглохли. Под конец жизни он даже потребовал, чтобы ему поклонялись как богу. В греческих городах стали привносить жертвы перед его изображением. Один лишь гордые спартанцы отказались делать это. В греческом послан Александра по-спартански кратко и по-спартански извещают:

— Если Александр хочет быть богом, пусть он им станет!

И вот что интересно: легенды, созданные вокруг имени Александра, устояли перед разрушительным влиянием тысячелетий. Двенадцать лет назад вышла книга, написанная одним из крупнейших зарубежных специалистов по древней истории. Автор пытается объяснить многие загадочные моменты деятельности Александра совместным воздействием естественных особенностей его природы...

К счастью, существует марсианская историческая служба. В трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина нередко встречается имя Александра, дается оценка его деятельности. И в то время, когда Александр предстает перед нами таким, каким он был в действительности. Теперь перед советскими историками стоит за-

дача — полно и правдиво рассказать об одном из величайших полководцев и политических деятелей древности.

Книга И. Резникова не претендует на всестороннее описание личности и деятельности Александра. Невозможно было в популярном военно-историческом очерке воссоздать полностью образ Александра. Но главная задача автора, выполненная в книге ясно виден Александр — полководец и политик.

В сложное и противоречивое время началось царствование Александра. Эпоха замедленного внутреннего распада Греции, как, по выражению Маркса, был век Перикла, сменился упадком и разложением классической афинской рабовладельческой демократии. На авансцену истории выдвигается македония, еще недавно полудикая и ничтожная Македония. Отец Александра — Македонский царь Филипп — был человеком необычайного государственного и военного дарования. Он сделал Македонию сильнейшим из греческих государств. После смерти Филиппа Александр — тогда двадцатилетний юноша — огнем и мечом подтвердил свое право наследовать отцовское звание верховного предводителя всех греческих войск и сразу же стал готовиться к великому походу на Персию.

Чтобы понять отчаянную смелость этого похода, нужно взглянуть на карту. Персидское царство простиралось тогда от Индии до Средиземного моря, от Средней Азии до нильских порогов. В сравнении с этой территорией Македония кажется песчинкой. Но Александр понимал, что в войне не всегда побеждает численное превосходство. Персидская монархия разлагалась, распадалась изнутри. Нужно было взять верный удар, чтобы прервать этот процесс распада в разгром.

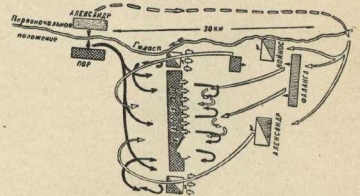
Александр бросает вооруженную армию и реорганизовал ее так, чтобы была возможность решительно одновременно или последовательно несколько боевых действий — фронтальный удар фланговой охват, прорыв в решающем направлении и преследование до

полного уничтожения отступающего противника.

Но самое главное заключалось в том, что македонские солдаты были настоящими воинами. Заключенные в беспрерывных походах еще со времен Филиппа, организованные, дисциплинированные, они создавали свое превосходство над сборными, многоэтатными ополченными «эвхаротами». Военный строй македонцев был доведен до совершенства. Ополченцы отряда Александра были окружены в горах. Противник был численно сильнее. Тогда Александр приказал устроить «амфибракхию» — македонские фаланги на глазах противника стали совершать сложные перестроения, круглые повороты на

возле и поворачиваясь перед лицом царство и часть Индии. Множество военных задач пришлось решить завоевателю. Македонские войска одерживали победы в крупных сражениях, брали приступом города, боролись с партизанскими отрядами. Впервые за историю своего существования была непреступнейшая на крепостях древности — финикийский город Тир, построенный на скалистом острове. И лишь однажды Александр потерял нравственно, — от собственных солдат, которые отказались продолжать поход в глубь Индии и заставили Александра возвратиться.

Можно много говорить об организаторских, управленческих способностях Александра. Он был жесток и неудержим в минуты ярости, беспрерывные успехи сделали его высокомерным деспотом, готовым на все ради славы и всеобщего покорения. Но результаты его деятельности оказались исторически прогрессивными. Огромные области были втянуты в орбиту мирового торгового и культурного обмена, передана гре-



Отец Александра царь Филипп. Из первоначального положения Александр предпринял дальний обход. Войска нава Пана едва успели развернуться, чтобы встретить врага. Комбинированной фланговой атакой войска и ударом летели.

ху, иллинонские языки. Напутствия «справа» отступили и заперлись в крепости, не решаясь наступать.

Александр был первым солдатом своего войска. Бесстрашный, ловкий и сильный, он всегда предводительствовал ударным, решающим отрядом. Своим личным примером он воодушевлял войско. И в то же время он умел руководить всем ходом битвы, маневрировать войсками разного рода оружия, применять военные хитрости.

В этом и заключалась военный гений Александра: он был одновременно, тактиком и воином одновременно.

Двенадцать лет длился поход Александра. За это время он за-

ская культура распространялась по странам Востока, способствовало слиянию с культурой древних восточных народов. И недаром до сих пор в Средней Азии можно услышать народные легенды об Александере — Александре Великом.

Книгу И. Резникова не следует прочесть всем, кто интересуется историей и военным делом. Некоторые фактические неточности в ней обнаруживаются всерьез любой дилетант и простым, увлекательным изложением. Но тема, в течение тысячелетий волновала миллионы и умных, еще не исчерпана. Книги об Александре — романы и научные исследования — в наше время, конечно, не так много. Но это не уменьшает любовь ко всему героическому в своем прошлом.

И. Резников «Александр Македонский», Военгиз, 1940, 144 стр. 1 р. 90 к.



Металлические орудия времени Александра. Слева — нагайчатка, метательная машина. Справа — баллиста, османный вариант тугой стрелы. Источники энергии этих машин — туго натянутый канат или согнутая упругая доска.

# «СМЕНА» ЗА 1940 ГОД

## РАССКАЗЫ, ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНОВ, ПОВЕСТЕЙ, ПЬЕС:

П. Бажов — Хрустальная гора	№ 9
Р. Глазунов — Сорная ветка	№ 9
А. Гроф — Крадучий след	№ 12
О. Генри (перевод Е. Каланшидзе) — Ровная булыжная, Исключительный случай	№ 10
Наталия Готори (перевод Е. Каланшидзе) — Гробовая мистера Хитрибома	№ 7
О. Твенский — Собачья Чаша	№ 2
О. Уэлси — Товарищ капитан	№ 4
Н. Иван — Кушчок	№ 1
В. Канерин — Два капитана	№ 4
Н. Калаш — Волшебная шляпа	№ 3
Л. Кассиди — Милковский в Болонью	№ 3
А. Косовский — Видение	№ 1
Е. Коже — Встреча	№ 8
Л. Коробов — Выпуск репортера-детины	№ 6
К. Ленин — Два товарища	№ 10
Н. Мануэлов — Шестой барон	№ 11
А. Маршак — Выход в море	№ 1
И. Мельников — Девушка с комсомолом	№ 1
С. Нарынкин — Король мичур	№ 8
Мариус Аккерен-Нессе (перевод О. Тьямновской) — Раствора	№ 4
Л. Никулин и А. Фалеев — Юнона	№ 7
Л. Петровский — Батюка Болжолно	№ 10
Л. Натан — Солонная вода	№ 5-6
Н. Погодин — Кривые курчата	№ 4
М. Пришвин — Выкатывшая пелена, Тригонометрия	№ 2
Его же — Три рассказа	№ 5-6
Его же — Фантаси	№ 10
Его же — Дюймовой ручей	№ 10
М. Рымин — Закон ремесла	№ 1
М. Рыминский — Брест и сабли	№ 8
М. Светлов — Двадцать лет спустя	№ 9
Е. Селья (перевод М. Джанова) — Мать	№ 11
Л. Соболев — На север	№ 7
Давид Стрейкер (перевод Н. Сергеева) — Кочующий фермер	№ 2
Л. Тастовый — Халди и Мурат (черновой набросок и пометки)	№ 10
Е. Феларов — Простая расовая о Кирово	№ 12
Лев Шенбер (перевод Ю. Смирнова) — Снег	№ 2
А. Шварц — Брест	№ 5-6
Его же — Самозат, Юнгвист	№ 11
Его же — Шапка Гиппократа	№ 7

### СТИХИ:

М. Аглицер — Конец дня	№ 2
Е. Асеев — Хотят, танец басков	№ 3
Н. Асеев — Маловский радом	№ 4
В. Бондур (перевод В. Андрушневой) — Октябрьская ступень	№ 11
Б. Бронко (перевод А. Гутерлиха) — Довод, Метельница, Пассаж	№ 10
Л. Гира (перевод Л. Волынской и М. Завалюковой) — К братцам-галатам, Звезда самому себе	№ 9
Е. Доматовский — Новые стихи	№ 9

П. Калинин — Народ Финляндии	№ 2
В. Калаш — Ленин	№ 4
Л. Квинто (перевод О. Гурьева) — Ирландия	№ 11
Линия стихов	№ 11
С. Карсанов — На рубеже	№ 1
В. Логотов — На катке	№ 1
В. Маршак — Третья годовая	№ 9
М. Матуковский — Секрет на Брест	№ 7
В. Матковский — Гитовский	№ 3
А. Мелетин — Снег	№ 4
А. Мельников — Хлам	№ 12
Ю. Мейман — В музее	№ 10
Л. Опанкин — Катва, Попутники прессы, Песня о голубой лаванде	№ 1
А. Пришвин — Тот же	№ 1
А. Прокофьев — Песня о георгиевском полке	№ 2
Г. Ренкин — Повесть	№ 12
Е. Рыжова — Киев	№ 5-6
Ее же — Черноморская заставная	№ 8
М. Рыльский (перевод Н. Шамова) — Стихи	№ 1
Его же (перевод Н. Ушакова) — Манюковский	№ 5-6
Н. Савоскин — Ветром слово	№ 9
Н. Сельянский — Повесть	№ 1
Я. Смеляков — Владимир Маяковский	№ 4
Его же — Малая вечер, Из слободки	№ 5-6
А. Тардовский — Простой солдатский вояка	№ 2
Л. Калемский — Сверхчеловек	№ 5-6
Его же — Радужный Чингиз	№ 12
Е. Пелешова — Море	№ 10
Его же — Третья годовая, Рассветный туман	№ 12
А. Штейнберг — Под нашим солнцем	№ 8
О. Шмачков — Первые шаги	№ 2

### СТАТЬИ, ВОСПОМИНАНИЯ:

В. Веревкин — Вспоминалось о нем	№ 3
В. Воробьев — Спор со старым	№ 3
Г. Гак — Дядя советской молодежи	№ 10
В. Громовая — Гордость русской музыки	№ 9
М. Зоркин — Незабываемый Ю. Новиков	№ 4
В. Пажов — Крошечный барон М. Крошечкина, депутат Верховного Совета РСФСР — Валентина Комарову	№ 2
В. Иванова — Заключительная революционная агитация	№ 1
Его же — Вступая в жизнь	№ 5-6
К. Маркс — Размышления по поводу выбора профессора	№ 5-6
Г. Наседина, секретарь ЦК ВЛКСМ — Великая программа Ю. Новиков	№ 1
Ее же — Покушение видеть	№ 8
Ее же — Смерть слова	№ 11
М. Осипов — Юность Зигельды	№ 12
Н. Петров — Волшебная дробина	№ 1
А. Пуреев — Князь республика	№ 5-6
М. Пришвин — Неотчужденная радость	№ 11
Кондрат-Адмирал	№ 7
В. В. Советских моряк	№ 1
А. Рудченко — Работа с поэт	№ 3
Е. Стасова — Вспоминаю	№ 4
Г. Тихомиров — Неизбываемая ветвь	№ 3

С. Трубец — Солнце советской поэзии	№ 3
А. Шабаков-Якшиев — Друг и учитель	№ 3
И. Шпанет и С. Карамоллаев — Радость труда	№ 8
Александр Марго — Эпиграмм Фридрих Вигелю	№ 7

### ПУТЕШЕСТВИЯ, ЭКСПЕДИЦИИ, ВОЕННЫЕ И ФИЗИКУЛЬТУРНЫЕ ОЧЕРКИ:

К. Валднер, Герой Советского Союза — Перемещение мореходного климату	№ 5-6
Его же — Перекрестная мореходная климату	№ 7
В. Викторова — 9 в лодке	№ 7
Его же — 18 минут	№ 12
С. Гривский — Вступая в аду	№ 4
Майор В. Державин — Как организовать работу на местности	№ 12
Д. Зуев — По белой тропе	№ 12
Майор П. Коломиев — Талант в современной войне	№ 8
Ю. Корольков — Диван в боях	№ 10
Его же — Спидер	№ 11
Е. Кругер — Пятидневка отдаленных	№ 2
Академик В. Обручев — Как я стал геологом и писателем	№ 1
Н. Орлов, заслуженный мастер спорта, одессит	№ 2
В. Прохоров — Обозначения призыва	№ 7
Его же — Воодушенная лодка	№ 9
М. Ромк — Формула рекорда	№ 4
Е. Семенов — На лыжах в Альпах	№ 11
Л. Сухов — Вальсе шару	№ 1
Майор П. Ф. Терехин, Герой Советского Союза — Пятидневка командира — закон	№ 5-6
А. Шейдлин — Электроник	№ 11
Ю. Шер — 55 минут	№ 1
Его же — Доль	№ 2
Его же — Показаний	№ 3
Его же — Два полета	№ 12
Н. Шинцев — Подготовка в дивер	№ 11

### НАУЧНЫЕ ОЧЕРКИ:

В. Антохина — Чудо у реки Хулмо	№ 9
И. Добрынин — Современная физика	№ 12
Г. Кандыба — Советская псевдореволюция	№ 1
М. Мейерович — Возрождение философии	№ 10
А. Югов — Барьер	№ 8

### ОЧЕРКИ, ФЕЛЕТОНЫ, РЕЦЕНЗИИ:

В. Антохина — В загсе	№ 1
С. Баранова — Повесть	№ 5-6
Н. В. — Герой без детей	№ 1
С. Вельяминов — В стране гор	№ 1
Е. Воробьев — Зинковская линия	№ 12
Его же — Ливия Тая	№ 11
Его же — В пивных петроградского времени	№ 12
В. Гальберг — Школа в аду	№ 11
М. Гальберг — В Белозерской пуще	№ 5-6

Л. Гутерлих — Третья смена	№ 11
Л. Гумилевский — Истинный полярник	№ 7
М. Давыдов — Деревя и коря	№ 2
В. Дубач — Дом на углу	№ 5-6
Н. Жуков — В походах обзора	№ 10
И. Иван — Опять зеленые уланцы	№ 12
А. Каменский — Оленья Шедрина в рисунках	№ 7
Л. Кассиди — О «Блесте для Ю. Смирновского»	№ 12
М. Кривелисова — Юности	№ 7
В. Кругер, Герой Советского Союза — О книге Горьковского «Облавы»	№ 9
Е. Кругер — Рагатор — «посторонних вещей»	№ 8
Л. Курт-Кулли на сцене	№ 4
М. Липина — Великий полководец	№ 12
Н. Майк и Н. Тарасова — Из жизни предателя	№ 10
Ю. Новиков — Дланя	№ 9
Ее же — Третья янтра	№ 10
Коллектив — Мимал блеск	№ 5-6
М. Полонский — Будущий след	№ 10
Л. Сафонов — Как это произошло, удаче писателя и американца Пола де Кюри	№ 1
Л. Орлова, заслуж. арт. режиссер	№ 10
А. Стрелков — История одного портрета	№ 7
С. Трубец — Вереса Каргузья	№ 9
Его же — Шестая	№ 9
Е. Успенская — Ноты в Зоопарке	№ 4
В. Фил — Подлин	№ 9
А. Чарков — Восток на карте	№ 3
И. Шаров — В тайге	№ 11
Т. Шевнина-Куркина, засл. деятель искусства — Юность Кривелисова	№ 8
Е. Юнкис — Репка и его друзья	№ 8

### РИСУНКИ:

Г. Васильев, В. Васильев, В. Горюнов, И. Гринштейн, Д. Дубинский, Н. Жукова, А. Калановская, В. Пажов, В. Маршак, Д. Писноварова, В. Прокофьев, И. Семенов, В. Соколовский, Л. Тарановская, И. Травкина, В. Урина, Ю. Цинковский, А. Шульга и Ю. Ю.
---

### ФОТО:

Л. Боголюбовский, А. Бродяковский, С. Вайнберг, Л. Вензелинская, Н. Волкова, З. Волк, Л. Гутерлих, В. Гринштейн, В. Горюнов, И. Гурин, Д. Дубинский, М. Ершов, В. Захаров, И. Зверинский, В. Иванчинский, Г. Кандыба, Ю. Корольков, А. Крауцено, О. Лагер, С. Лоскутов, А. Мисюра, В. Обручев, М. Прежера, В. Рамова, Редина, А. Родченко, Е. Романюкова, А. Скрябинина, И. Сокольская, Н. Стрелкова, С. Стрелковская, И. Фигурова, В. Финкель, Хавкина, И. Шагина, А. Шахота, Н. Штейнберг.
--

Ответственный редактор М. Г. Осипов.

Сдано в набор 8/XI 1940 г.

Подписано к печати 14/XII 1940 г.

А 38570

Технический редактор Б. М. Фейгин.

Изд. № 1255.

Формат 72x100 см. 4 п. л. 98 000 з. в п. еч. л.

Зак. 8800.

Тираж 4000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.



Цена 1 рубль